

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

А. А. Некрасов

**Советская историческая наука
1930-х – начала 1950-х гг.**

Текст лекций

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по специальности История*

Ярославль 2010

УДК 94(47+57):930

ББК Т1(2)6

Н 48

Рекомендовано

*Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2009/10 года*

Рецензенты:

Азов А. В., д-р филос. наук, канд. ист. наук, заведующий
кафедрой философии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
кафедра отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Н 48   **Некрасов, А. А. Советская историческая наука 1930 – на-
чала 1950-х гг.: текст лекций / А. А. Некраов; Яросл. гос. ун-т
им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 64 с.**

ISBN 978-5-8397-0774-0

В настоящем издании рассматриваются основные проблемы развития отечественной исторической науки эпохи сталинизма. Уделяется внимание условиям развития советской историографии, формам и методам партийно-государственного контроля над исторической наукой, анализируются различные тенденции в изучении проблем российской средневековой и новой истории, а также истории революции и советского общества. Рассматриваются локальные дискуссии советских историков по проблемам российской и советской истории.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 030401.65 (дисциплина «История исторической науки»; «Историография», блок ОПД), очной формы обучения.

УДК 94(47+57):930

ББК Т1(2)6

ISBN 978-5-8397-0774-0   © Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова, 2010

Введение

Историческая наука в России достигла, пожалуй, наивысшего расцвета в 1890–1900-е гг., когда свои лучшие труды по истории России создавали С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков, А. Е. Лаппо-Данилевский, Н. А. Рожков и многие другие. Не отставали от них и специалисты по всеобщей истории Р. Ю. Виппер, Л. П. Карсавин, Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, И. М. Гревс. На это же время приходится и расцвет философии, социологии и психологии в России. Эти науки развивались в тесной взаимосвязи, что, безусловно, не только раширяло кругозор российских историков, но и укрепляло теоретический фундамент исторической науки.

Следует также заметить, что российская наука этого времени вышла, в полном смысле этого слова, на европейский уровень. В России были известны, легко доступны, как на языке оригинала, так и в русских переводах, широко читались и обсуждались все более или менее известные новинки западной гуманитарной и обществоведческой литературы, российские ученые часто выезжали в европейские страны, работали в западных университетах и архивах, участвовали в международных конференциях и конгрессах. Важно подчеркнуть, что впервые в истории отечественная наука выступала не в роли простого реципиента, комментатора и популяризатора западных идей, а как равноправный партнер передовой европейской и мировой науки и культуры. Достаточно упомянуть об одном лишь факте: очередной Международный конгресс исторических наук предполагалось провести в 1918 г. в Петербурге, а А. С. Лаппо-Данилевский возглавил оргкомитет по подготовке конгресса, что свидетельствует о высоком статусе российской исторической науки до революции 1917 г.

Впрочем, расцвет не может длиться долго и неизбежно сменяется упадком. В 1921 г. в Казани небольшим тиражом вышла брошюра Р. Ю. Виппера «Кризис исторической науки». Это был поистине «крик души» маститого историка, на глазах которого безжалостно разрушалось всё то, что было дорого ему и большинству его коллег. Пессимистические настроения овладели в то время многими историками, что отражено, в частности, в их пере-

писке и дневниках. «Я совершенно ясно вижу на себе отражение и проявление общей деморализации, составляющей сущность нашего крушения и распада всего государства и общества, – писал С. Б. Веселовский в своем дневнике за 1918 г. – У всех утрачена вера в себя и свои силы; утрачен стыд и затемнена совесть; утрачено совершенно желание работать и сознание необходимости труда.... Я, при всей своей привычке и любви к труду, – не могу работать. Сажусь за свои научные темы, и неотвязно преследует мысль: это никому не нужно, бессмысленно, что, быть может, через неделю или через месяц я буду стерт с лица земли голодом или грабителем, что та же участь ждет мою семью»¹. Подобное душевное состояние отражено и в дневнике Ю. В. Готье: «Днями я испытываю тяжелую, невыразимую тоску, из которой нет выхода, как нет и выхода из нашей жизни. Холод, голод, смерть нравственная и физическая, – вот удел всех, кто не приспособился и не спекулирует»².

Очевидно было, что во всех бедах российской исторической науки виноваты большевики и их политика. Аресты, расстрелы, «чистка» университетов, «рабфаки», политика дискредитации «буржуазной» науки, резкая смена приоритетов в историографии, высылка 1922 г., – всё это и многое другое в политике большевиков, мягко говоря, не способствовало процветанию исторической науки.

И все-таки возникает вопрос, только ли большевики «повинны» в разрушении «старой» историографии? Достигла ли российская дореволюционная историческая наука высшей точки в своем развитии, после чего неизбежно должен был последовать «упадок», или была «подстрелена» большевиками «на взлете»?

Характерно, что сами «буржуазные» историки, даже те, кто, как Ю. В. Готье и С. Б. Веселовский, крайне негативно относился к большевистскому режиму, тем не менее, начало «болезни» российской исторической науки относят к дореволюционному прошлому. «...Я стал пессимистом давно, еще с 1904–1905 года», –

¹ Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105.

² Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 137.

отмечал С. Б. Веселовский в письме С. Ф. Платонову³. В упомянутой брошюре Р. Ю. Виппер пишет о кризисе не только российской исторической науки, но и современного исторического знания в целом. Главную проблему науки Виппер видит в несовершенстве её методологии, порицая увлечение историков, в том числе и либеральных, «экономическим материализмом», упрекая их в стремлении найти простые универсальные объяснения исторических фактов, создать некую единую историцистскую теорию, невольно заставляющую историков «подгонять» «живые» факты под абстрактные социологические схемы.

Действительно, с началом нового, XX века облик российской исторической науки стал стремительно меняться. Численность историков-профессионалов, научных работников стремительно росла, увеличивалось в геометрической прогрессии и количество научных монографий, магистерских и докторских диссертаций. Бурное развитие капитализма в России привело к ускорению ритма жизни как российского общества в целом, так и научного сообщества. Time стремительно превращалось в money. Менялась и профессиональная этика, и система ценностей. Все чаще молодые историки руководствовались не столько интересами науки, сколько материальными и карьерными интересами.

В этих условиях длительный, кропотливый ежедневный труд в архивах и библиотеках, переписывание от руки, зачастую неоднократно, множества документов, как это делал, например, С. Б. Веселовский, представляется ненужной тратой времени. Сам Степан Борисович нередко ощущал себя чужаком, «который занимается никому не нужным делом, вместо того, чтобы "делать карьеру" и "добывать хлеб", как это подобает»⁴. М. А. Дьяконов в письме Веселовскому от 19 марта 1916 г., сообщая о предстоящей на историко-филологическом факультете Петроградского университета защите докторских диссертаций Л. П. Карсавина, В. И. Веретенникова и А. Г. Вульфуса, размышляет: «Можно ли отсюда сделать заключение о процветании наук, в частности

---

³ Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 188.

⁴ Там же. С. 89.

исторических, сказать не решусь. Диссертаций я не читал и, пожалуй, от сего ущерба не произойдет. Слыхали кое-что и о московском историческом диспуте Егорова [Д. Н. Егоров. – *Прим. авт.*], и то, что слышали, дает не очень лестную аттестацию новому доктору»⁵.

Здесь уместно упомянуть и о скандале, связанном с именем молодого киевского историка Е. Д. Сташевского, потрясшем в 1912–1913 гг. всё сообщество российских историков. Речь идет о краже Сташевским в общей сложности 319 архивных документов из московских архивов⁶. Несмотря на то, что «дело» получило широкую огласку, а многие историки порвали со Сташевским всяческие отношения, ему удалось не только благополучно защитить в 1913 г. диссертацию, но и получить впоследствии звание профессора.

Таким образом, ситуация в российской исторической науке к 1917 г. была не столь благополучной, как это выглядит на первый взгляд. И дело даже не в том, что, по данным М. Н. Покровского, из года в год сокращалось или, по крайней мере, не увеличивалось существенно количество научных работ, подготовленных профессорами Московского и Петербургского университетов⁷. Хуже всего то, что среди этих работ сравнительно мало было новаторских, оригинальных исследований, которые не просто решали бы частные, мелкие вопросы, а двигали вперед историческую науку. Ушел из жизни Ключевский, его лучший ученик П. Н. Милюков с головой ушел в политику, оставив на время исследовательскую работу, не проявляли особой активности и А. А. Кизеветтер с М. М. Богословским. Один из столпов московской науки П. Г. Виноградов с 1911 г. постоянно жил и работал

---

⁵ Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. С. 142.

⁶ Дубровский А. М. Ученый и его наука в письмах // Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. С. 17.

⁷ Покровский М. Н. Реформа высшей школы // Покровский М. Н. Избранные произведения в 4-х кн. Кн. 4. М., 1967. С. 458–459.

в Англии. На этом фоне почти исключением выглядит такой выдающийся труд, как «Сошное письмо» С. Б. Веселовского⁸.

Несколько лучше обстояли дела в «петербургской школе». Были изданы фундаментальные исследования А. Е. Преснякова и А. И. Заозерского⁹. Тем не менее лучшие труды петербургских историков С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова, С. В. Рождественского остались в прошлом, иные были далеко впереди, как у Е. В. Тарле или Б. А. Романова.

После революции 1917 г. российская историческая наука, к счастью, не погибла, но претерпела ряд жестоких ударов. Ушли из жизни А. С. Лаппо-Данилевский (1919), М. И. Туган-Барановский (1919), М. А. Дьяконов (1919), А. А. Шахматов (1920). По разным причинам оказались в эмиграции П. Н. Милюков, П. Б. Струве, А. А. Кизеветтер, Н. П. Кондаков, Л. П. Карсавин, Р. Ю. Виппер, С. П. Мельгунов и многие другие российские историки. Остались в Советской России С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, М. М. Богословский, Е. В. Тарле, С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин, М. К. Любавский, А. И. Яковлев, но, увы, не они определяли лицо советской историографии в 1920-е гг., находясь подчас в униженном положении.

Новая власть с самого начала дала понять, что ей не по пути с «буржуазной» интеллигенцией. М. Н. Покровский поставил задачу создания новой советской исторической науки, основанной на принципах марксизма и не имеющей ничего общего со «старой» историографией. Начиная с 1918 г. проводились бесконечные реорганизации высшей школы и научных учреждений, были созданы рабфаки и отменены ученые степени и звания, ликвидирована автономия университетов и Академии наук. Научная проблематика, которую в основном разрабатывала «старая» профессура, утратила актуальность, а приоритетными направлениями исторических исследований стали история партии и революционного

---

⁸ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства, т. 1–2, М.; СПб., 1915–1916.

⁹ Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917; Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. М., 1918.

движения в России, социально-экономические аспекты новейшей истории России, история Октябрьской революции и Гражданской войны. Всё это сопровождалось постоянной травлей в печати «буржуазных» историков и их трудов. Кампания по борьбе с «буржуазной» историографией постепенно набирала ход и вылилась на рубеже 1920–1930-х гг. в «дело Платонова – Тарле».

Сложнее обстояло дело с марксистской исторической наукой. Почти до конца 1920-х гг. М. Н. Покровский был чуть ли не единственным полноценным историком-марксистом в СССР («марксизм» Н. А. Рожкова советскими руководителями не признавался). Сам Покровский, подводя в 1929 г. итоги Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, иронически заметил: «Но – говорили все это время, и, чем ближе к нашим дням, тем чаще, – марксизм-то у нас есть, но ученые историки-марксисты – где они?»¹⁰.

Дело в том, что никто в то время не знал, что значит быть историком-марксистом, марксистская теория существовала отдельно от практики исторического исследования. Этого до конца не понимал и сам Покровский. В 1920-е гг. не было еще жесткой исторической схемы, которой обязан был следовать каждый историк-марксист, были некие ключевые слова («классовая борьба», «общественно-экономическая формация», «производительные отношения» и т. п.), а также неперемненные апелляции к знаковым именам, число которых в то время было неизмеримо шире, чем в последующие десятилетия. Именно по этим признакам марксисты опознавали «своих». Часто это приводило к анекдотическим ситуациям, когда в ходе исторической дискуссии (впрочем, обязательно с политическим оттенком) несомненные марксисты обвиняли друг друга в «немарксизме» (например, Покровский и Троцкий).

Именно в ходе дискуссий 1920-х гг. и вырабатывались «марксистские» догматы в советской исторической науке, ничего общего с подлинным марксизмом не имевшие. Впрочем, и в дальнейшем любые официальные изменения советской идеологии и,

---

¹⁰ Покровский М. Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. С. 440.

соответственно, марксистской исторической схемы неизменно ставили в тупик не только историков, но и марксистских «теоретиков», поэтому единственным авторитетом в сфере марксистской теории и марксистской науки с 1930-х гг. стал «гениальный вождь и учитель», «корифей всех наук» И. В. Сталин. Процесс организационной и идеологической трансформации отечественной исторической науки и системы исторического образования в СССР в 1930-е – начале 1950-х г. и будет рассмотрен в отдельной лекции.

Лекция 1. Перестройка исторической науки и исторического образования в СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.

В 1930-е гг. в СССР в основном сложился авторитарно-административный сталинский режим, опиравшийся, с одной стороны, на поддержку разветвленного бюрократического аппарата (который, впрочем, Сталиным жестко контролировался), с другой – на национально-патриотическую идеологию, формирование которой завершилось на рубеже 1940-х – 1950-х гг.

Чтобы такой режим был прочным и устойчивым, одного аппарата, в том числе и карательного, мало, необходима любовь народа к лидеру. И, как это ни горько и неприятно признавать, бóльшая часть населения СССР искренне любила Сталина и безгранично верила ему. Без этой народной любви и поддержки не было бы ни трудовых подвигов, ни победы в Великой Отечественной войне. Другое дело, что народная любовь, как и любовь вообще, непостоянна и все время требует жертв. Поэтому политик вынужден внушать людям, что он достоин этой любви. Самый простой способ демонстрации собственной состоятельности – это популизм. Лидер государства должен неустанно поддерживать свой имидж защитника народных интересов, а в такой патриархальной стране, как Россия, и «отца нации». Для формирования и поддержания этого имиджа необходима целая армия имиджмейкеров, в качестве которых в СССР, помимо партийных

деятели и публицистов, выступали обществоведы и историки. Политика стала играть решающую роль в формировании историографической ситуации в стране, а конкретные исследования стали сверяться с историческими взглядами И. В. Сталина.

Разумеется, престиж руководителя не может быть абсолютно «дутым». Он должен быть компетентным не только во внутренней и внешней политике, но и в экономике, по возможности, также в области науки и искусства. Знание истории здесь обязательно, хотя во многом зависит и от личных пристрастий. Трудно сказать, насколько глубоко Сталин понимал исторический процесс, однако невеждой в истории не был. Краеугольной в его понимании истории России была мысль об ее отсталости, высказанная в 1931 г. в речи на I Всесоюзной конференции работников промышленности. И. В. Сталин говорил: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную»¹¹.

В трактовке И. В. Сталина, с образованием Российского централизованного государства была решена задача «обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока», однако «техничко-экономическая отсталость» страны существовала и в XVII в., и в XVIII в. Одним из первых правителей России, попытавшихся преодолеть эту вековую отсталость, был Петр I, который, «имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны... Это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»¹².

В дальнейшем акценты в оценке Сталиным российских исторических деятелей менялись. Когда отсталость России от Европы подчеркивать стало неудобно, а на первый план вышли

---

¹¹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1940. С. 328.

¹² Там же. С. 359.

национально-державные ценности, Петр I уступил в сознании и риторике вождя место Ивану Грозному. Не случайно после войны на встрече с постановщиками фильма «Иван Грозный» он назвал того же Петра I «Петрухой», заметив, что тот не национален, ибо открыл дверь иностранцам. Логика И. В. Сталина здесь очевидна: необходимо поскорее избавиться от «тлетворного влияния» Запада, аналогии с петровским «открытым окном» в Европу поэтому не нужны.

Особое внимание И. В. Сталин уделял истории партии. В 1931 г. он написал письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», в котором акцентировал внимание на «ошибках» историков, в частности А. Слуцкого, в оценке тактики большевиков накануне Первой мировой войны. Разумеется, если бы статья Сталина, «скромно» замаскированная под письмо пусть и не рядового, но всего лишь одного из читателей журнала, касалась только Слуцкого или узкой исторической проблемы, о ней не стоило бы специально говорить. Увы, содержание и тон статьи были совсем не скромными. В ней Сталин резко высказывался против дискуссий в области истории партии, по крайней мере публичных, обвиняя историков, в них участвующих, в сознательном «очернении» Ленина и большевистской партии по заданию «контрреволюционной буржуазии» и ее «передового отряда» в лице троцкистов: «Всем известно, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. <...> Вот почему попытки некоторых "литераторов" и "историков" протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор»¹³.

В современной историографии значение этого сталинского «письма» иногда недооценивается. Так, американский историк Джордж Энтин, признавая в целом шокирующий эффект сталинского письма на советское общество, все же не считает его

---

¹³ Сталин И. В. Соч. в 16 т. Т. 13. С. 86, 98.

рубежом в развитии советской историографии. Он склонен использовать выражение «поворотный пункт» применительно к этому письму скорее как метафору и полагает, что интеллектуальные предпосылки сталинизма созревали еще в 1920-х гг., а М. Н. Покровский явился своеобразным предтечей Сталина в отношении к исторической науке. Энтин отмечает, рассматривая антитезу «Покровский – Ярославский», что Покровский, будучи представителем более «демократической» культурной традиции, чем «верный сталинец» Емельян Ярославский, тем не менее «стал любителем разоблачать, а Ярославский не раз выступал за терпимость»¹⁴.

С этими выводами вряд ли можно вполне согласиться. Да, разумеется, позиция М. Н. Покровского часто бывала очень жесткой, а риторика напоминала сталинскую. Параллели между некоторыми работами Покровского, в частности брошюрой «Борьба классов и русская историческая литература» (Пг., 1923), и «Кратким курсом истории ВКП(б)» буквально бросаются в глаза. И все же была существенная разница в подходах Покровского и Сталина к истории и историческим источникам. Ни Покровскому, ни Ленину, ни, тем более, кому-либо из так называемых «буржуазных» историков и в страшном сне не могло присниться отношение к историческому документу и историческому факту, выраженное в сталинском письме «О некоторых вопросах истории большевизма»: «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и их лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?»¹⁵.

Возможно, советскому историку, работавшему в 1950–1980-х гг. и на каждом шагу сталкивавшемуся с подтасовками исторических фактов в угоду марксистско-ленинской идеологии, или, тем более, современному читателю, живущему в эпоху ужасающего невежества большинства людей в области отечествен-

¹⁴ Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 152.

¹⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 96.

ной и мировой истории, эти слова Сталина не покажутся столь шокирующими. Но для историков, воспитанных в духе почти религиозного почтения к архивным документам и стремившихся, выражаясь словами А. Е. Преснякова, «восстановить права источника и факта», такой радикальный нигилизм казался кощунственным. Не важно, что Сталин здесь имел в виду историко-партийные исследования. Чем принципиально таковые отличаются от исторических исследований вообще? Разве не призывал (а точнее, приказывал!) Сталин впоследствии оценивать российских монархов, особенно Ивана Грозного, «по их делам», игнорируя исторические факты?

Все это не означало, конечно, что «архивные крысы» немедленно бросили «копаться» в архивных документах. Но возврата к прежним принципам исследовательской работы уже не было. Вскоре пренебрежительное отношение к источникам и историческим фактам, замалчивание или произвольное истолкование тех или иных фактов, доходящие подчас до прямой фальсификации истории, стали для советских историков обычным делом. Да и публикация документов, особенно по истории революции и советского общества, была сокращена до минимума, а доступ в архивы крайне затруднен. Все это явилось прямым следствием сталинского «письма» и сталинского «подхода» к истории. В качестве примера приведем замечание одного из членов жюри конкурса на лучший учебник по истории для начальной школы по поводу учебника А. М. Панкратовой: «Описание проезда Ленина через Германию ни к чему в учебнике для детей!»¹⁶.

Если попытаться обозначить процессы, происходившие в советской исторической науке и системе образования, одним словом, то слово это – **централизация**. Власть пыталась установить полный контроль над наукой и образованием, а в условиях 1920-х гг. с их относительным плюрализмом мнений это было невозможно. Власти на местах, директора школ использовали разнообразные методы обучения, часто некритически заимствованные с Запада; на местах издавали свои школьные учебники.

---

¹⁶ Историю – в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 234.

Преподавание истории в классическом виде было отменено, вместо него вводилось обществоведение, включавшее в себя разнообразные сведения о происхождении человека, общественных отношениях, истории рабочего класса, роли торгового и промышленного капитала в истории, классовой борьбе, политэкономии и конституции СССР. Единого образовательного стандарта не было, поэтому контролировать уровень среднего и высшего образования было практически невозможно, а уровень его постоянно снижался.

На рубеже 1920–1930-х гг. партия и правительство все больше внимания начинают уделять вопросам образования, особенно исторического. В 1929 г. было сменено руководство Наркомпроса, место А. В. Луначарского занял А. С. Бубнов, который начал энергично работать над совершенствованием системы образования. Начиная с 1931 г. буквально посыпались постановления ЦК ВКП (б) о программах школьного обучения, согласованности ступеней образования, школьной дисциплине и обеспеченности учебниками. Резко возросла численность учащихся. Если в 1927 г. только 51% детей в возрасте от 8 до 11 лет посещали школу, то в 1932 году их было уже 98%, а в 1934 г. было объявлено, что все дети школьного возраста ходят в школу. Общее количество учащихся начальной и средней школы с 1928 по 1939 г. утроилось, а количество учителей удвоилось¹⁷.

Особое внимание к преподаванию истории объяснялось необходимостью элементарных исторических знаний для успешной индоктринации населения и укрепления личной власти Сталина. В январе – марте 1934 г. Наркомпрос РСФСР провел два совещания ученых и преподавателей истории, которые высказались за реорганизацию преподавания истории в школах и улучшение подготовки кадров преподавателей. На основе этих решений стали готовиться постановления партии и правительства.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (15 мая 1934 г.) указывалось, что главным недостатком советской исторической науки

---

¹⁷ Кулешов С. «Никаких произвольных толкований»: как создавались первые советские учебники по истории // Родина. 2008. № 11. С. 18.

являлась подмена изложения конкретного хода истории абстрактными социологическими схемами. 9 июня 1934 г. ЦК ВКП(б) принял решение о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР. Были созданы авторские коллективы по подготовке учебников истории для средней школы на конкурсной основе. Как всегда, были установлены жесткие сроки для подготовки учебников. К концу лета 1934 г. был подготовлен конспект учебника по истории СССР, к которому в августе 1934 г. А. А. Жданов, С. М. Киров и И. В. Сталин написали «Замечания». Их текст был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б) и приобрел статус Постановления ЦК. Главные недостатки конспекта, по мнению авторов «Замечаний», заключались в том, что он представлял собой «конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР».

Поскольку ни один из вариантов учебника власти не устраивал, создавались все новые рабочие группы по составлению учебников, в которые вошли известные историки: А. М. Панкратова, Б. Д. Греков, И. И. Минц, С. А. Пионтковский, Н. Н. Ваняг и др. Все больше ученых, школьных учителей, партийных и государственных функционеров вовлекалось в работу по рецензированию, редактированию, утверждению новых учебников, в том числе Н. И. Бухарин, Е. В. Тарле, Н. М. Лукин, А. С. Сванидзе, Я. Яковлев, Ф. Ходжаев, В. Быстрянский, П. Горин, В. Затонский и др.

Работа над учебниками продолжалась до конца 1930-х гг. Причинами затягивания составления новых учебников была нечеткость требований к ним, противоречивость этих требований, делающая иногда невозможным их выполнение, большое количество контролирующих инстанций. Создается впечатление, что некоторые «эксперты» делали замечания ради самих замечаний, что порождало мелочные придирки, а иногда создавало и комический эффект. Так, среди замечаний на один из вариантов учебника по истории СССР было и такое: «Рассказ, претендующий показать "отвагу, смелость и неустрашимость" В. И. Чапаева, кончается так: "Чапаевцы дрались, как львы, но на стороне белых было огромное превосходство сил. Красноармейцы были переби-

ты, а Чапаева, переплывавшего через реку, настигли пули белых, и он утонул в волнах Урала" (с. 136). Поставим к этому рассказу несколько вопросов: 1. Чапаевцы дрались, а Чапаев что делал? 2. Красноармейцы были перебиты, а почему не пал в бою Чапаев? 3. Каким образом один Чапаев уцелел и убежал и лишь пули его настигли?

Из совокупности поставленных вопросов вытекает, что тогда, когда чапаевцы сражались и погибли, Чапаев не сражался, убежал и во время бегства был убит. Вот в каком виде авторы представили народного героя Чапаева! Это изложение очень грубо искажает историческую правду: Чапаев с боем пробивался вместе с уцелевшим небольшим отрядом к Уралу. Во время этого боевого отступления к реке у чапаевского отряда были потери, но не все красноармейцы были перебиты. Они вместе со своим любимым командиром бесстрашно бросились в реку. В реке Чапаев был ранен, но сопровождавший его красноармеец помогал ему, однако вторая пуля настигла Чапаева, и он пошел ко дну. Вместо этого рисуется Чапаев весьма неприглядными красками»¹⁸.

Не хватает здесь только знаменитой чапаевской фразы: «Врешь, не возьмешь!». Неужели автор рецензии не видел фильм «братьев» Васильевых, где ответы на поставленные им вопросы были уже даны? Все это имеет гораздо большее отношение к литературе, чем к истории, но интересно, что автор критических замечаний апеллирует к исторической правде!

Не менее забавно звучит и такое замечание относительно монголо-татарского нашествия на Русь: «В учебнике выступают только Чингиз-хан и Батый, а татарского народа нет, он отсутствует, как в буржуазных учебниках. Это есть не что иное, как сползание на позиции буржуазной фактологии»¹⁹.

Только в августе 1937 г. были подведены итоги конкурса на лучший учебник для начальной школы, а в 1939–1940 гг. были изданы учебники для средней школы и первые две части вузовского учебника. Из 46 представленных на конкурс учебников для начальной школы лучшим был признан «Краткий курс истории

---

¹⁸ Историю – в школу. С. 251.

¹⁹ Там же. С. 252.

СССР», подготовленный авторским коллективом под руководством члена-корреспондента АН СССР А. В. Шестакова. Андрей Васильевич Шестаков (1877–1941), мягко говоря, не входил в число крупных советских историков, таких как А. М. Панкратова, И. И. Минц, Б. Д. Греков, М. В. Нечкина, А. Л. Сидоров и др. Научная карьера его была недолгой. В 1924 г. в возрасте 47 лет он окончил Институт красной профессуры и вошел в категорию «молодых» советских историков-марксистов; впоследствии издал несколько работ по истории крестьянства и крестьянского движения в России, не оставивших абсолютно никакого следа в отечественной историографии. Издание школьного учебника по истории поистине стало его «звездным» часом. Почему в качестве лучшего был выбран именно учебник Шестакова, до сих пор остается загадкой, он был ничем не лучше ряда других учебников, участвовавших в конкурсе. Шестаков, как и другие участники, получил свою порцию критики и первоначально занял третье место в конкурсе (первые два не были присуждены никому), а затем передвинут на второе.

С. Кудряшов объясняет успех Шестакова тем, что его учебник понравился лично Сталину (почему же в этом случае ему не было отдано первое место?). Возможно, авторам учебника удалось в какой-то степени соответствовать критерию, сформулированному в Постановлении ЦК от 15 мая 1934 г.: «Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащихся к марксистскому пониманию истории»²⁰.

Учебник Шестакова был в высшей степени прост, даже примитивен. Сочетание фактологичности, занимательности и ясно-

---

²⁰ Историю – в школу. С. 46.

сти изложения с «марксистским» пониманием истории реализовывалось в нем чисто механически. В той части учебника, где речь шла о дореволюционной истории России, авторы придерживались принципа «максимум фактов – минимум интерпретации», в то время как история советского общества излагалась типичным «сталинским» языком, с использованием привычных уже формул о «вредителях», «врагах народа», происках Каменева и Зиновьева вкупе с Троцким и т. п. «Готовя мировую войну, фашисты посылают во все государства своих шпионов, – стращали авторы учебника. – И в Советский Союз проникают фашистские шпионы. В СССР они нашли для себя деятельных помощников в лице сторонников Троцкого и Рыкова. Презренный враг народа, фашистский агент Троцкий и его презренные друзья, Рыков и Бухарин, организовали в СССР банду убийц, вредителей и шпионов. Они злодейски убили пламенного большевика С. М. Кирова. Они готовили убийства и других вождей пролетариата. Фашистские злодеи – бухаринцы и рыковцы устраивали в СССР крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и заводов, портили машины, отравляли рабочих, вредили, как могли. У этих врагов народа была программа – восстановить в СССР ярмо капиталистов и помещиков, уничтожить колхозы, отдать немцам Украину, японцам – Дальний Восток, подготовить военное поражение СССР. Бандиты были пойманы и понесли наказание»²¹.

Действительно, А. М. Панкратова и И. И. Минц, не говоря уж о Б. Д. Грекове, вряд ли способны были написать что-либо подобное. Кстати, большая часть документов, относящихся к конкурсу, кроме тех, которые специально готовились к публикации в открытой печати, имела грифы «Секретно» и «Совершенно секретно». Объясняется это, на наш взгляд, крайней беспомощностью, часто даже безграмотностью советских историков-марксистов, в полной мере проявившейся в ходе подготовки учебников. «Смысл неудачи с учебниками истории ясен, – писал К. Радек Сталину и Жданову в июне 1936 г. – Так как мы к ним привлекли те лучшие силы, которые у нас были, то неудача показывает, что за 18 лет мы не собрали достаточного знания, чтобы быть

---

²¹ Цит. по: Кулешов С. Указ. соч. С. 20.

в состоянии дать марксистско-ленинский учебник истории»²². В рецензиях на представленные на конкурс учебники отмечены многочисленные грубые фактические ошибки и двусмысленные формулировки, допускавшиеся, между прочим, профессорами и членами-корреспондентами АН: «Коллегий было не 9, а 12», «Борис стал царем не обычным путем», «Шемяка бежал не в свой удел, а в Новгород», «Окончив университет, Ленин переехал в Петербург и стал руководить революционной работой среди рабочих», «"Ленин вышел из подполья в начале октября". Недопустимая ошибка. Ленин вышел из подполья только вечером 24.X».

В этой критической ситуации было принято решение о переиздании целого ряда трудов, в том числе и учебников, «буржуазных» ученых С. Ф. Платонова, А. С. Преснякова, Н. П. Павлова-Сильванского, М. И. Туган-Барановского, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Началась также (по инициативе того же Радека) подготовка фундаментальных многотомных изданий по отечественной и всеобщей истории, прерванная войной и возобновленная в 1950-е гг.

Далеко не все авторы учебников, эксперты и организаторы этой работы дожили до её окончания. Были расстреляны Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, А. С. Бубнов, историки Н. М. Лукин, С. А. Пинтовский, Н. Н. Ванаг, Г. С. Фридлянд и многие другие.

С 1934 г. началась также очередная реорганизация высшего исторического образования и научных учреждений. В 1934–1935 гг. были восстановлены исторические факультеты университетов в Москве и Ленинграде, при них начала функционировать аспирантура, были восстановлены ученые степени и звания. В 1936 г. были закрыты Институты красной профессуры. Поскольку деятельность Академии Наук СССР к этому времени полностью контролировалась партией и правительством, отпала необходимость в дублирующих учреждениях.

Поэтому в феврале 1936 г. было принято решение о ликвидации Коммунистической академии и передаче ее учреждений АН СССР. На основе этого решения был создан Институт истории АН СССР, в котором было создано восемь секторов. Институт

---

²² Историю – в школу. С. 227.

истории стал главной инстанцией, контролирующей и координирующей исследовательскую работу в области истории в масштабах страны. Первым директором Института истории стал Н. М. Лукин, а после его ареста в 1938 г. – Б. Д. Греков. Периодическим органом института стал журнал «Историк-марксист», с 1936 г. институт издавал непериодический сборник «Исторический архив», с 1937 г. – «Исторические записки».

Централизация исторической науки, усиление контроля над историческими исследованиями, особенно по истории партии и революционного движения, привели к ликвидации общественных организаций, сыгравших большую роль в подобных исследованиях. В 1935 г. были закрыты Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и издаваемый им журнал «Каторга и ссылка», а также Общество старых большевиков. В том же 1935 г. было приостановлено, а в 1937 г. прекращено издание ленинградского журнала «Красная летопись». С 1941 г. перестали выходить журналы «Историк-марксист», «Пролетарская революция» и уникальный журнал «Красный архив», публиковавший только оригинальные архивные документы.

В результате организационной перестройки 1930-х гг. сложилась система исторических научно-исследовательских учреждений и центров подготовки кадров, существовавшая в течение нескольких последующих десятилетий. Сложилась в основном и сталинская историческая концепция, сформулированная в таких изданиях, как книга Л. П. Берия «К вопросу о истории большевистских организаций Закавказья» (М., 1935), «Краткий курс истории СССР» (1937) и «История ВКП(б). Краткий курс» (1938). «Краткий курс истории ВКП(б)» вышел из печати миллионным тиражом и регулярно переиздавался впоследствии до 1954 г. в неизменном виде и с оригинальным заглавием, несмотря на то, что ВКП(б) к этому времени была переименована в КПСС.

«Краткий курс» полностью состоял из «аксиом», о которых писал Сталин в «Письме» 1931 года. Реальной истории партии большевиков в этой книге, конечно, не было, да и не для этого она создавалась. Истинным ее предназначением было создание, а точнее, закрепление в сознании народа партийной мифологии.

Центральной идеей книги была идея преемственности между Лениным и Сталиным, несколько позднее афористически сформулированная Е. Ярославским: «Сталин – это Ленин сегодня». При этом подчеркивалось, что именно Ленин и Сталин стояли у истоков партии, а затем вели ее победным маршем к революции, никогда не ошибаясь и не уклоняясь в оппортунизм, в то время как Троцкий, Каменев с Зиновьевым и Бухарин с Рыковым постоянно вредили партийному делу, маскируясь под истинных революционеров и коммунистов.

В книге нашла отражение и идея «двоецентризма», впервые обнародованная Л. П. Берия в пятиминутном докладе об истории большевистских организаций Закавказья на собрании актива Тифлисской парторганизации, который и лег в основу упомянутой книги Берия. Наряду с ленинской «Искрой», вторым центром образования партии, согласно Берия, стала грузинская социал-демократическая газета ленинско-искровского направления «Брдзола» («Борьба»), издаваемая с сентября 1901 г. И. В. Сталиным и Л. Кецховели.

«Краткий курс истории ВКП(б)» стал окончательным вариантом истории партии, руководством, представлявшим собой, как говорилось в партийном постановлении от 14 ноября 1938 г., «официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований»²³.

Реальное влияние «Краткого курса» в то время далеко выходило за рамки партийной истории, как и его содержание, включавшее в себя основные положения марксистско-ленинской философии (§ 2 гл. 4 «О диалектическом и историческом материализме», написанный, как принято считать, самим Сталиным). Таким образом, он имел и методологическое значение для «гражданской истории». Ни один труд по истории, каким бы проблемам он ни был посвящен, отныне не мог обойтись без ссылок на «Краткий курс», так же, как и на работы Маркса, Ленина и Сталина. Чаще всего эти ссылки носили формальный характер, но

---

²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Ч. 3. М., 1954. С. 316.

те исследования, в которых рассматривались вопросы новейшей истории России и СССР, и по содержанию не могли противоречить догмам «Краткого курса».

Одной из серьезнейших теоретических проблем, которые приходилось решать советской марксистской исторической науке, был вопрос о роли личности в истории. С одной стороны, согласно материалистическому пониманию истории, историческим процессом управляют «объективные» законы истории, и никакая личность, какой бы великой она ни была, не может изменить ход истории. С другой стороны, отрицать историческое значение таких личностей, как Ленин и Сталин, ни один советский историк в то время не мог.

Размышлял об этом и Сталин. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 31 декабря 1931 г. он признал, что марксизм не отрицает роли личности в истории, если, конечно, великие личности умеют правильно понять исторические условия, понять, как их изменить. Зашла в этом разговоре речь и о Петре I, историческое значение которого Сталин с некоторыми оговорками признал, но решительно отказался признать себя продолжателем дела Петра Великого, решительно заявив, что он ученик Ленина²⁴. В общем, эти рассуждения принципиально не выходили за рамки оценок российских монархов и дореволюционной России в советской историографии 1920-х гг.

Объективная реальность, однако, вскоре заставила Сталина скорректировать эти оценки. В 1930-е гг. СССР претендовал уже на статус сверхдержавы, которая, как и любая великая держава, должна была иметь свою национальную историю и мифологию. Становление этой мифологии шло параллельно реорганизации системы исторического образования и исторической науки в СССР, но заняло значительно больше времени.

Процесс трансформации пролетарско-интернационалистической советской идеологии в великодержавно-националистическую оказался весьма сложным делом и потребовал усилий не только историков, но и литераторов и кинематографистов. В эту струю попали роман «Петр I» и пьеса «Иван Грозный» А. Н. Тол-

---

²⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 106.

стого, роман «Иван Грозный» В. И. Костылева, художественные фильмы «Петр I» В. М. Петрова и «Иван Грозный» С. М. Эйзенштейна (первая серия). На историков-марксистов здесь Сталин не мог опереться, так как они привыкли оперировать понятиями «Россия – тюрьма народов», «проклятое прошлое», «колониальная политика царизма», а кроме того, очень плохо знали российскую историю. Некоторые из них совершенно не понимали, что происходит (А. М. Панкратова), и пытались протестовать, другие просто «плыли по течению»²⁵. Поэтому ставка была сделана на «буржуазных» историков Е. В. Тарле, Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина, В. И. Пичету, Б. И. Сыромятникова, А. И. Яковлева. Историки, принципиально не принимавшие участия в возвеличении Ивана Грозного и Петра Великого, как, скажем, С. Б. Веселовский, представляли собой редчайшее исключение.

Впрочем, и литераторы не всегда могли вовремя сориентироваться, и принципиальность здесь ни при чем. В середине 1930-х гг. эти националистические веяния были слишком тонкими и не все могли их почувствовать. Так, Д. Бедный, привыкший глумиться над «русской стариной», написал сатирическую пьесу «Богатыри», поставленную в 1936 г. в Камерном театре А. Таирова, где, в частности, высмеивал крещение Руси, осуществленное князем Владимиром «по пьяному делу». Сталину спектакль резко не понравился, в результате Политбюро ЦК приняло постановление о снятии спектакля с репертуара театра, поскольку он «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа», а также «даёт антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры»²⁶.

---

²⁵ См., например: Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–78.

²⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 2002. С. 333.

Постановление вызвало неоднозначную реакцию среди творческих работников: одни были напуганы, другие откровенно радовались беде Д. Бедного, поскольку не любили его лично или завидовали его высокому положению. Сам Д. Бедный был смертельно напуган, т. к. понимал, от кого исходит негативная реакция и чем это «пахнет». В справке НКВД говорилось: «Демьян Бедный, признавая, что он сделал огромную ошибку, объясняет её своим непониманием материала и своей глупостью. <...> Дальше, прося не заносить в стенограмму, Демьян говорил, что его врагом является его библиотека. Об этом ему указывали, но он этого не понимал. Он заявил, что библиотеку свою сожжет (так в тексте документа. – *Прим. авт.*)».²⁷ В той же справке приведены некоторые «пророческие» отклики деятелей культуры, точно уловивших «новые веяния» в советской идеологии: «Все[олод] Вишневский, драматург: "Поделом Демьяну, пусть не халтурит. Это урок истории: "не трогай наших". История еще пригодится, и очень скоро. Уже готовится опера "Минин [и] Пожарский – спасение от интервентов>"; Дзержинский, композитор, автор «Тихого Дона»: «Я собираюсь писать оперу "Пугачев". После этого постановления комитета я не знаю, как мне быть. Я хотел бы поговорить с кем-нибудь из руководящих товарищей. Теперь к исторической теме надо подходить с предельной осторожностью».

Одновременно начинается посмертная травля М. Н. Покровского и его школы. 26 января 1936 г. вышло партийное постановление с критикой исторической концепции Покровского, а 27 января в «Правде» и «Известиях» были опубликованы, совсем

---

²⁷ Справка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР «Об откликах литераторов и работников искусств на снятие с репертуара пьесы Д. Бедного «Богатыри»» [16.11.1936] URL: www.alexanderyakovlev.org У Д. Бедного была очень хорошая библиотека, включавшая более 30 тыс. томов. В писательских кругах ходил тогда слух, будто Демьян Бедный имел неосторожность написать в дневнике, что не любит давать книги Сталину, ибо тот оставляет на белых страницах отпечатки жирных пальцев. Секретарь Демьяна решил выслужиться и переписал для Сталина эту выдержку из дневника (см.: Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999). Библиотеку свою Д. Бедный, однако, не сжег, а подарил (по другой версии – продал) Государственному литературному музею.

не случайно, статьи К. Б. Радека и Н. И. Бухарина, выдержанные в том же духе.

В ходе этой кампании были подготовлены сборники статей под названием «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (1939 г.) и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (1940 г.). Свое отношение к недавнему руководителю исторической науки выразили представители старой школы Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, С. В. Юшков, их последователи – Н. М. Дружинин, К. В. Базилевич, Б. Б. Кафенгауз, а также ученики М. Н. Покровского – А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, А. Л. Сидоров и др. К концу 1930-х гг. «разгромленная» школа М. Н. Покровского именовалась уже как «банда шпионов и диверсантов, агентов и лазутчиков мирового империализма, заговорщиков и убийц». Обвинения в научных ошибках были переведены в политическую плоскость. Сам Покровский физически от этого не мог уже пострадать, но вот его «ученикам» пришлось плохо, многие из них были репрессированы, в т. ч. С. А. Пионтковский, Г. С. Фридлянд, П. О. Горин, П. П. Парадизов и многие другие²⁸. Разумеется, не исторические взгляды этих историков стали главной причиной репрессий, а их объединение в «школу» Покровского было абсолютно искусственным и основывалось только на том, что большинство из них учились в ИКП или работали в научных учреждениях, возглавляемых Покровским. Многие из этих ученых были родственниками или близкими знакомыми «врагов народа» и пострадали из-за этих связей. Этим отчасти объясняется и тот факт, что от репрессий не пострадали ближайшие ученики Покровского А. М. Панкратова и А. Л. Сидоров, правда, они дорого заплатили за свою неприкосновенность, приняв участие в грязной кампании «критики» Покровского.

Трансформация советской идеологии и исторической науки в патриотическом духе резко ускорилась во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, дойдя на рубеже 1940–1950-х гг. до крайней ксенофобии. Нормальная исследовательская

---

²⁸ См. Артизов А. Н. Судьбы историков школы Покровского // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.

работа в годы войны стала практически невозможной. Началась эвакуация архивов, музейных коллекций, образовательных и научных учреждений в восточные районы страны, в т. ч. в Пермь, Свердловск, Уфу, Алма-Ату, Ашхабад, Ташкент. Но, как говорится, нет худа без добра: эвакуированные подразделения Московского и Ленинградского университета, Института истории стали базой для создания университетов и научно-исследовательских учреждений в среднеазиатских республиках, а некоторые эвакуированные историки, оторванные от своих привычных тем, архивов и библиотек, занялись вместе с местными учеными подготовкой обобщающих трудов по истории Казахстана, Туркмении, Башкирии, которые были очень слабо разработаны.

Основную массу печатной продукции исторического характера во время войны составляли популярные статьи, брошюры, книги патриотического содержания о борьбе русского народа с немцами, шведами, поляками, французами. В изобилии появлялись труды о Петре I, Иване Грозном, А. Невском, Д. Донском, А. В. Суворове, П. С. Нахимове, М. И. Кутузове, Отечественной войне 1812 года, Северной войне, Полтавской битве.

В 1942–1943 гг. был организован конкурс на создание нового государственного гимна вместо «Интернационала». Во многих текстах, присланных на конкурс, в полной мере проявились великодержавно-патриотические, а иногда и ксенофобские, мотивы. Так, в тексте гимна, сочиненном Я. Кувшиновым, были такие строки:

От Грозного славится наша держава.
Могучую силу несет от Петра.
За нами сверкает Суворова слава
И веют Кутузовской славы ветра.
Как предки Российскую землю любили,
Так любим Советскую землю и мы²⁹.

В суровых условиях войны советское руководство не нашло ничего лучшего, как созвать совещание по проблемам историче-

---

²⁹ Цит. по: Платт К. М. Ф. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo>

ской науки. Совещание проходило с 29 мая по 8 июля 1944 г. с участием сотрудников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) и нескольких десятков историков³⁰. О высоком уровне совещания говорит и тот факт, что на первом заседании выступил Г. М. Маленков.

Поводом к созыву совещания стали письма А. М. Панкратовой, которые она посылала в ЦК в 1942–1944 гг., будучи обеспокоенной усилением «великодержавного шовинизма» в советской историографии, «обелением» рядом советских историков царизма, его внутренней и внешней политики. Совещание тщательно готовилось, о чем свидетельствуют подготовительные материалы, в которых были сформулированы основные проблемы советской исторической науки: а) не преодоленное до конца негативное влияние «школы» Покровского; б) влияние историков-норманистов на часть советских историков; в) отход от классового подхода в оценке исторических явлений; г) отсутствие учебников и обобщающих работ по истории советского периода.

Не вполне понятна цель совещания, так как в результате не было принято никакой резолюции, хотя она и была подготовлена. К началу совещания начальником УПА Г. Ф. Александровым и его заместителем П. Федосеевым были составлены две докладные записки³¹ противоположного содержания: в одной, в духе писем Панкратовой, критиковались Б. Д. Греков, Е. В. Тарле и А. И. Яковлев за проявления «национализма и шовинизма» в исторических исследованиях; в другой критике подверглась сама Анна Михайловна за недооценку благотворного влияния русской культуры на казахов в подготовленном под ее редакцией труде по истории Казахстана³².

Можно предположить, что для советских руководителей это совещание было чем-то вроде социологического опроса: узнать,

---

³⁰ См.: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. / подг. Ю. Н. Амиантовым // Вопросы истории 1996. № 2. С. 247–286; № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93; № 5/6. С. 77–106; № 7. С. 70–87; № 9. С. 47–77.

³¹ См.: Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188–204.

³² История Казахской ССР: (с древнейших времен до наших дней) / под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата, 1943.

чем живут, о чем думают историки, какие у них возникают проблемы. И, надо сказать, историки, участвовавшие в совещании, об этих проблемах говорили честно и откровенно. Так, М. В. Нечкина жаловалась на сложности с публикацией в СССР исторических работ, отсутствие специальных исторических журналов, предлагала упростить доступ советским историкам к зарубежным исследованиям по истории России, повысить требования к уровню кандидатских и докторских диссертаций, в частности вернуться к дореволюционной практике, когда неопубликованные диссертации не допускались к защите. И Нечкина, и А. М. Панкратова подняли вопрос о Сталинских премиях, высказавшись за более обоснованное их присуждение.

Острые споры вызвал на совещании вопрос об оценке колониальной политики царизма. Общее возмущение вызвало выступление молодого историка Аджемьяна, прямо высказавшего «крамольную» и «антимарксистскую» мысль об исключительно благотворном воздействии присоединения к России нерусских народов на историческую судьбу этих народов. Историк сформулировал «основной закон» покорения Россией нерусских народов: чем более развит народ экономически и политически (Украина, Грузия, Армения), тем охотнее он идет под эгиду России; отсталые же народы (Казахстан, Дагестан) оказывают упорное сопротивление. Аджемьян коснулся и вопроса об исторической преемственности власти в России, обозначив «столбовую дорогу истории», ведущую от великих деятелей прошлого к Ленину и Сталину. Рассуждая о том, почему прежде советская историография «льнула» к образам Болотникова, Радищева, Разина и Пугачева и «опасалась» деяний Д. Донского, Ивана Грозного и Петра I, Аджемьян отвечает: потому, что первые разрушали, а вторые – строили. Завершалась вся эта высокопарная риторика абсурдным утверждением: «Марксизм учит нас, что то, что действительно, – разумно!»

Вопрос о колониальной политике самодержавия обсуждался не впервые. Еще в 1930-е гг. Сталин выдвинул теорию «наименьшего зла»: присоединение к России народов, которым угрожали «иноверные» турки или поляки, было для них «наименьшим злом» по сравнению с грозившим им геноцидом или, в лучшем

случае, ассимиляцией. Сложность здесь заключалась в том, что не все покоренные Россией народы подвергались этой внешней угрозе: казахам и узбекам геноцид не грозил, а следовательно, их присоединение к России можно было считать колониальным захватом. Эта дискуссия продолжалась до начала 1950-х гг., когда в «Вопросах истории» появилась статья М. В. Нечкиной, о содержании формулы «наименьшего зла»³³. В разгоревшейся по этому поводу дискуссии некоторые авторы трактовали присоединение к России нерусских народов как «абсолютное благо», которое способствовало их ускоренному экономическому, политическому и культурному развитию. Так, А. Л. Сидоров на заседании ученого совета Института истории, посвященном обсуждению задач исторической науки в свете книги Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», подчеркивал: «Прогрессивность, благотворность присоединения к России нерусских народов для самого существования этих народов настолько несомненна, что для дискуссий по этому вопросу нет оснований»³⁴.

Все отмеченные выше тенденции полностью реализовались в советской политике и идеологии после войны. Началась кампания по утверждению приоритета России во всех сферах науки, техники и культуры. Пышно отмечались юбилейные даты: 800-летие Москвы (1947), 500-летие автокефалии Русской православной церкви (1948), 300-летие воссоединения Украины с Россией (1954). Главным юбилеем, однако, стало беспрецедентное празднование 70-летия Сталина в 1949 году. И все это происходило на фоне нового витка репрессий, «антикосмополитической кампании», от которой пострадали многие советские историки: И. И. Минц, Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон, Э. Б. Генкина, Н. Л. Рубинштейн и др.

К этому времени Сталин окончательно утратил чувство меры, заставлявшее его некогда вычеркивать из партийных документов особо пафосные славословия в свой адрес. На рубеже 1940–1950-х гг. он неоднократно ставил себя в неловкое положение, активно вклю-

---

³³ Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4.

³⁴ Вестник АН СССР. 1953. № 1. С. 17.

чившись в дискуссии по вопросам языкознания и политэкономии.³⁵ Дискуссия по вопросам языкознания привела к фактическому разгрому школы академика Н. Я. Марра и его «учения о языке». Ее положительными моментами были отказ от идеи классовости языка и обращение внимания к проблемам формирования наций и народностей. Однако вместе с ошибками Марра были дискредитированы и его достижения, перекрыта возможность развития целого научного направления. Дело, в конце концов, не в том, хорош или нехорош Марр, прав он или не прав, а в том, что нельзя действовать в науке грубыми политическими и административными средствами. Наука – тонкий саморегулирующийся механизм, и не только политики и чиновники, но даже и специалисты не всегда сразу способны адекватно оценить те или иные идеи, открытия, степень перспективности научных разработок.

Следом за языковыми проблемами по инициативе И. В. Сталина были обсуждены вопросы политической экономии, поставлены вопросы характеристики современного капитализма, построения социализма и перехода к коммунизму. Итог дискуссии по политической экономии подвел сам И. В. Сталин, опубликовав в 1952 г. книгу «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он сформулировал т. н. «основной закон социализма», определявший якобы развитие социалистической экономики. Книга эта стала эталонной для историков при оценке тех или иных явлений советской истории. Например, И. В. Сталин определил производственные отношения крестьян накануне коллективизации как капиталистические. Подобная трактовка с известной модернизацией сразу же вошла в ряд монографий и учебников³⁶.

Таким образом, хотя необходимость существенных изменений организационного и методологического характера в российской исторической науке к началу 1920-х гг. назрела, эта

---

³⁵ См.: Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня; Его же. К некоторым вопросам языкознания: Ответ товарищу Е. Крашенинниковой // Там же. 4 июля; Его же. Ответ товарищу А. Холопову // Там же. 2 авг.

³⁶ См.: Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954. С. 238, 319, 376; История СССР Эпоха социализма: учеб. пособие. М., 1957. С. 307, 352, 426.

перестройка в 1920-е гг. не принесла желаемых результатов. Не случилось в ней позитивного перелома и в 1930-е гг., когда, казалось бы, историческая наука вернулась к прежним формам организации и некоторым идеям, которые представлялись историкам хорошо знакомыми, но несколько забытыми. Не зря говорят, что «нельзя войти в одну и ту же реку дважды». Кроме того, и в одном и в другом случае неумеренное использование властью «административного ресурса», грубое насилие по отношению к науке и ученым отнюдь не способствовало нормальному развитию исторической науки как живого организма. А во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. сложилась особенно тяжелая, буквально удушающая атмосфера в советском обществе, науке и культуре, в которой даже не очень щепетильным историкам типа Е. В. Тарле было очень тяжело жить и работать. В 1930-е гг., конечно, бывало и пострашнее, но ситуацию послевоенную лучше всего можно описать словами Н. А. Некрасова: «Бывали хуже времена, но не было подлей».

Лекция 2. Советские историки 1930-х – 1950-х гг. о русском феодализме

С момента возникновения советской историографии одной из ее приоритетных тем стала история революции и советского общества. К дореволюционной истории России историки-марксисты обращались эпизодически, рассматривая ее как некую предысторию, преддверие Октября. Родился новый мир, и началась история этого «прекрасного нового мира». Традиционная русская история должна была остаться в прошлом вместе с самодержавием, классами старого общества, буквой «ять», обращением «милостивый государь», интеллигентской бородкой, пенсне и тросточкой. «Представим себе, – писал в 1924 г. Юрий Ларин, – что "от Рождества Христова" прошло не две тысячи лет, а еще двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все еще учить об Олеге, Иване Калите и "Соборном уложении царя Алексея". <...> Накопится в конце концов столько событий, что не поможет и упразднение летних каникул. Все эти подробности надо оставить для

любителей, найдется достаточно охотников читать исторические книжки в свободное время, или для специальных занятий. Но нам пора перейти к ознакомлению истории человека большими мазками: докаменный человек, человек каменной техники, век металла и современность»³⁷. От древней и средневековой русской истории надо было освободиться как можно скорее, как от лишнего багажа. Да и знали ее «красные профессора» очень слабо.

Но традиция изучения феодальной Руси все же не прервалась. Нашлось и в Советской России немало «охотников» изучения «старинны». Это стало делом прежде всего «буржуазных» специалистов, которые, там не менее, преподавали в университетах, да и в том же Институте красной профессуры, готовя учеников и сохраняя тем самым традицию. С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков, Ю. В. Готье воспитали несколько поколений советских медиевистов, разрабатывавших проблемы «русского феодализма» в сталинскую эпоху и последующие десятилетия.

Сама понятие «русского феодализма» было в 1920-е гг. относительно новым, так как эта проблема начала разрабатываться в отечественной историографии только на рубеже XIX – XX вв. благодаря усилиям Н. П. Павлова-Сильванского. Он попытался доказать идентичность феодализма на Руси европейскому феодализму, исходя из сравнительного анализа правовых категорий и государственных институтов. В 1920-е гг. эту работу продолжил С. Б. Веселовский, стремившийся показать, как на основе феодального права возникает крупная земельная собственность – вотчина – и внеэкономическое принуждение крестьянства³⁸.

Исследование Веселовского осталось практически незамеченным историками-марксистами, чего нельзя сказать о книге С. М. Дубровского, выдвинувшего собственную оригинальную концепцию истории средневековой России, попытавшись рас-

---

³⁷ Цит. по: Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 144.

³⁸ См. Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

смотреть ее с марксистской точки зрения³⁹. Дубровский разграничил эпохи феодализма и крепостничества в российской истории на основе видов феодальной ренты и наличия либо отсутствия феодальной раздробленности. Феодализм с этой точки зрения характеризуется сочетанием политической раздробленности, натурального хозяйства и натурального оброка, в то время как признаками крепостнического способа производства являются централизованное государство, юридическое прикрепление крестьян к земле и преобладание отработочной ренты. В конце 1920-х гг. развернулась дискуссия, в ходе которой концепция Дубровского была признана ненаучной и немарксистской, поскольку он допустил отступление от учения Маркса об общественно-экономических формациях.

От попыток элементарного приспособления исторических фактов к вульгарно понятой марксистской формационной теории советские историки в начале 1930-х гг. перешли к серьезным исследованиям древнерусского общества и государства, и поворот этот связан, главным образом, с именем Б. Д. Грекова (1882–1953).

В 1932 г. в Академии истории материальной культуры прошла дискуссия о характере строя Древней Руси. И. И. Смирнов и его последователи высказали мысль о складывании у славянских племен на базе разложения первобытного строя рабовладельческого общества. Б. Д. Греков доказывал, что у восточных славян возникали феодальные отношения и установилась феодальная общественно-экономическая формация. Большинство участников обсуждения поддержало эту точку зрения.

В 1930-е гг. Б. Д. Греков стал ведущим специалистом по истории феодальной Руси. Его научная деятельность началась еще до революции. Воспитанник Московского университета, в 1914 г. Греков защитил магистерскую диссертацию «Новгородский дом Святой Софии», написанную в духе «экономического материализма» и посвященную анализу хозяйственной деятельности крупной церковной вотчины XVI–XVII вв. Греков был на-

---

³⁹ Дубровский С. М. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1928.

стоящим «кабинетным ученым», в политику не лез, поэтому смог спокойно преподавать древнюю русскую историю и при Врангеле в Симферопольском университете, и в 1920-е гг. при большевиках. Будучи арестованным по «Академическому делу», спустя месяц он был переведен в разряд свидетелей. В дальнейшем никаким преследованиям за сотрудничество с «белогвардейцами» Греков не подвергался.

В конце 1920-х гг. в своих многочисленных статьях Греков начал разработку таких принципиально новых идей, как роль товаризации сельскохозяйственного производства в изменении форм феодальной ренты, связь форм ренты с общественным устройством и внутренней политикой государственной власти и феодальных группировок и т. п. Итогом исследования явилась его монография «Очерки по истории феодализма в России» (1934 г.).

Дальнейшая разработка идей, высказанных в ходе дискуссии 1932 г., привела Б. Д. Грекова к обобщению результатов многолетних исследований в оригинальную концепцию русского феодализма в книгах «Феодальные отношения в Киевском государстве» (1935 г.) и «Киевская Русь» (1939 г.), где доказывалось, что процесс феодализации шел параллельно с государственным строительством. Автор пришел к выводу, принятому всей последующей историографией, о складывании государства с центром в Киеве только после выравнивания социально-экономических и политических условий развития севера и юга восточнославянских земель. Исследователь аргументированно полемизировал с представителями норманнской теории, показал достаточно высокую степень развития восточного славянства.

Проблемы истории Древней Руси в 1930-е гг. достаточно интенсивно разрабатывал также историк русского права С. В. Юшков, взгляды которого в чем-то были тождественны построениям Б. Д. Грекова, а в чем-то и существенно различались, причем чем дальше, тем больше. Представляет интерес его трактовка, вслед за А. С. Пресняковым, Древней Руси как колыбели русского, украинского и белорусского народов. Актуализация этого сюжета в то время была вызвана борьбой против украинофильской концепции историка и политического деятеля М. С. Грушевского, который

еще в начале XX века в десятитомном труде «История Украины-Руси» доказывал, что Киевская Русь была украинским государством и никак не связана с историей Московской Руси, а официальная российская и советская трактовка Киевского государства как начального этапа истории государства Российского была всего лишь идеологическим обоснованием российской экспансии.

В 1930 г. на Украине состоялось судилище по делу мнимой организации «Союз вызволения Украины», в которую якобы входили многие ученые во главе с М. С. Грушевским. Лидерам СВУ инкриминировалось раздувание буржуазного национализма, внедрение чуждой культуры. В 1931 г. аресты возобновились, было объявлено о деятельности некоего «Украинского национального центра». М. С. Грушевский, имя которого склонялось и в связи с этим процессом, был отправлен в ссылку, а его книга «История Украины-Руси» запрещена.

Среди работ, освещающих более поздние этапы истории феодальной России, следует выделить фундаментальные исследования С. Б. Веселовского, в частности его монографию «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVII вв.» (1936 г.). Автор рассматривал процесс закрепощения крестьян в связи с сеньориальным или вотчинным режимом. Интересна постановка им вопроса о соотношении общественной структуры Киевской и Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. Подчеркивая, что он может быть темой специального исследования, С. Б. Веселовский указывает на наличие в Суздальской Руси пережитков киевских явлений. Заслуживает внимания и выделенная им тенденция к исчезновению мелкого землевладения в Московской Руси в третьей четверти XVI в.

Хотя дискуссия 1932 г. в той форме, в какой она велась, исчерпала себя к середине 1930-х, в 1939–1940 гг. возник очередной всплеск, хотя и более слабый, той же дискуссии. На сей раз её инициатором стал А. В. Шестаков, видимо во что бы то ни стало желавший оставить свой след в науке (помните Штирлица: «запоминается всегда последняя фраза»?). Он в очередной раз пытался доказать рабовладельческий характер общественного строя Древней Руси, опять, как это делалось и раньше, апеллируя

к авторитетам, на этот раз к абсолютным. Он ссылаясь на положение «Краткого курса истории ВКП (б)» о том, что первой антагонистической формацией в истории была рабовладельческая. Ну а раз так, то и спорить не о чем! Ему вновь возражал Греков, выступивший в июне 1939 г. в Институте истории с докладом «Общественные отношения Киевской Руси», где настаивал на феодальном характере древнерусского государства. Греков, в принципе не подвергая сомнению наличие рабовладения в Древней Руси, все же полагал, что рабство в это время себя изживало, во всяком случае, не играло существенной роли в экономической жизни Руси. Ведь тот факт, что в Советском Союзе и, возможно, в еще больших масштабах в современной России существуют дачники, производящие сельскохозяйственную продукцию в основном для собственного потребления, а следовательно, ведущие натуральное хозяйство, не дает основания называть СССР или современную Россию феодальным государством. А впрочем, какой строй существует в современной России: феодализм, капитализм или социализм? Можно ли это точно определить?

Вот и в дискуссиях 1930-х гг. историки сталкивались с той же проблемой. Чтобы с уверенностью утверждать что-то о характере общественного строя Древней Руси, нужно было выяснить степень развития рабовладельческих или феодальных отношений. Скажем, С. В. Юшков иначе, чем Б. Д. Греков, относился к древнерусскому рабовладению, в частности, считал его не изживаемым явлением, а вполне «живым» и даже перспективным, но ему и в голову не приходило только на этом основании называть Киевскую Русь рабовладельческим и феодальным государством. Так или иначе, дискуссия носила схоластический характер. Можно было сколь угодно долго спорить о понятиях, повторять, как мантру, слова «рабовладение» и «феодализм», но это не помогало ученым прояснить, как жили люди в то время и как реально складывались взаимоотношения в обществе.

Загвоздка была еще и в том, что само по себе наличие тех или иных признаков не давало возможности ответить на вопрос о том, когда и как в истории России эти явления возникли, как они между собой взаимодействовали, короче говоря, когда заканчи-

вается рабовладельческий (или, скажем, первобытнообщинный) строй и начинается феодальный. То, что у нас есть признаки демократии (многопартийность, парламент, выборность президента, формально независимый суд), еще не означает, что у нас реально существует демократия. Она появится только тогда, когда изменится сознание людей и ценности демократии обретут в нем свое законное место, когда изменится отношение людей друг к другу, обществу и государству. Именно тогда формальные «признаки» наполнятся реальным смыслом!

Видимо, все эти конкретные трудности и побудили осторожного Грекова сделать оговорку о «раннефеодальном» характере Киевской Руси и заставляли постоянно менять датировку «русского феодализма». В разных изданиях «Киевской Руси» он относит возникновение феодальных отношений на Руси то к XII, то к XI, то к IX веку, в зависимости от политической конъюнктуры.

Определенные изменения произошли в тематике исследований о русском феодализме с началом войны. В ней были выделены акценты, связанные с борьбой России с иноземными захватчиками. История Древней Руси продолжала привлекать внимание историков, лидером которых в данном направлении был Б. Д. Греков. В 1941 – начале 1942 г. он подготовил новое издание монографии «Киевская Русь», дополнив ее главой «Военный строй Киевской Руси». В 1942 г. им же была опубликована «Борьба Руси за создание своего государства», в которой доказывалась мысль о начале процесса образования государственности у восточных славян в VI в., когда сложился большой военный союз восточнославянских племен во главе с дулебами.

В 1942 г. исполнилось 700 лет со дня Ледового побоища. Этому событию были посвящены научные сессии, выставки, многочисленные публикации историков. Достаточно активно выступали Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и другие. Ими была показана картина немецкой агрессии против русских земель и Прибалтики в XII–XIII вв., раскрыто значение разгрома крестоносцев. Особое внимание при этом было уделено жизни и деятельности Александра Невского.

В связи с деятельностью Ивана III и Ивана IV Грозного изучалось образование Российского централизованного государства. Ивану III были посвящены работы В. Снегирева (1942 г.) и К. Базилевича (1946 г.), из которых первая была признана неудачной из-за слабого отражения роли народных масс. Деятельность Ивана IV Грозного анализировалась Р. Ю. Виппером, С. В. Бахрушиным, И. И. Смирновым.

Книга Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», впервые изданная в 1922 г. и трактовавшая личность и деятельность Грозного в апологетическом ключе, понравилась И. В. Сталину и в годы войны переиздавалась трижды (1942, 1944, 1945 гг.). Автор рассматривал Ивана IV Грозного как гениального организатора и вождя, который смог понять необходимость радикальных действий по отношению к княжеско-боярской оппозиции и стал их осуществлять. Определенная идеализация царя отмечается и в исследовании С. В. Бахрушина, который основной целью внутренней политики Ивана IV Грозного считал ликвидацию пережитков феодальной раздробленности, а опричнину оценивал как неизбежный этап борьбы за абсолютизм.

В истории России XVII в. внимание исследователей привлекали два сюжета. Первый из них связан с рассмотрением истории нижегородского ополчения 1612 г. и его роли в изгнании польско-шведских интервентов из Москвы (С. В. Бахрушин, А. И. Парусов). Второй был обусловлен разработкой социально-экономической истории (А. И. Яковлев, П. П. Смирнов и др.). Наибольший интерес, пожалуй, представляет исследование П. П. Смирновым социально-экономической истории российского города. Тезис же А. И. Яковлева о Московском царстве как «холопом» государстве был отвергнут большинством историков.

В сложной историографической ситуации послевоенных лет проходила одна из наиболее интересных дискуссий тех лет – о периодизации феодальной и капиталистической формаций, – в центре которой оказался вопрос о критериях хронологических рамок внутри общественно-экономического строя. Достаточно четко определились и точки зрения:

1) критериями периодизации внутри формации следует считать факты социально-экономического развития (К. В. Базилевич);

2) вехи хронологических этапов внутри формации определяются факторами политической надстройки общества – классовой борьбы (Н. М. Дружинин), политической истории (И. И. Смирнов);

3) периодизация феодальной и капиталистической формаций должна опираться на совокупность факторов социально-экономической и политической истории (Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. В. Предтеченский).

Дискуссия вскрыла слабые и спорные тезисы общей концепции отечественной истории и способствовала дискуSSIONному обсуждению частных проблем.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., как и прежде, в центре внимания историков находились проблемы происхождения феодального строя на Руси. Исследователи сходились во мнении о феодальной основе Киевского государства, однако вопрос о темпах и формах феодализации решался по-разному.

В 1946 г. Б. Д. Греков опубликовал свое капитальное исследование «Крестьяне на Руси», в 1949 и 1953 гг. переиздал монографию «Киевская Русь». В совокупности эти труды излагали его видение проблемы. По мнению Б. Д. Грекова, восточнославянское общество пришло к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Феодальные отношения, утвердившиеся на Руси примерно в XI в., привели к глубоким социальным изменениям, в первую очередь внутри основного производительного класса. Б. Д. Греков углубил выдвинутые им ранее положения о двух категориях смердов – зависимых от отдельного феодала и эксплуатируемых феодальным государством.

В работах С. В. Юшкова «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (1949 г.) и «Русская Правда» (1950 г.) излагался иной подход, суть которого заключалась в признании Киевской Руси обществом не феодальным, а переходным от первобытнообщинного строя к классовому, где сосуществовали три уклада: феодальный, рабовладельческий и первобытнообщинный. В целом общественно-политический строй

Киевской Руси расценивался как феодальное, или «варварское», государство.

Новые аспекты генезиса феодализма были исследованы М. Н. Тихомировым в монографии «Древнерусские города» (1946 г.), в которой была показана органическая связь между феодальными отношениями и ростом городов.

Иной аспект поднятой темы разработал Б. А. Рыбаков, в 1948 г. выпустивший книгу «Ремесло Древней Руси». Им были раскрыты такие вопросы, как технический уровень ремесла, экономическая структура ремесленного производства, районы его распространения и т. п. Он предполагал, что процесс генезиса феодализма уходит в глубь веков, в более ранние времена, чем это было принято считать. Археологические исследования, связанные в какой-то мере с гипотезой Б. А. Рыбакова, позволили во время дискуссии о периодизации украинским ученым В. И. Довженку и М. Ю. Брайчевскому предложить передвинуть дату утверждения феодализма на Руси с XI на IX в. По их мнению, дофеодальным обществом была не Киевская Русь, а антский союз племен VI в. Их поддержал Б. Д. Греков, заявив, что государство с центром в Киеве не могло возникнуть без соответствующего базиса.

Существенные успехи были достигнуты при исследовании культуры Киевской Руси. Сложилось два подхода к этому историческому явлению. Первый связан с анализом литературных памятников, определением культурно-исторического значения памятников древнерусской литературы (Д. С. Лихачев). Второй базировался на археологическом материале. Стоит отметить, что в эти годы были произведены выдающиеся археологические исследования. В 1951 г. в Новгороде экспедицией под руководством А. В. Арциховского была обнаружена первая в истории науки берестяная грамота. Смоленской экспедицией под руководством Д. А. Авдусина был найден сосуд с древнейшей русской надписью (X в.). Находки археологов перевернули представления об уровне грамотности и письменности в Древней Руси.

Своеобразным продолжением военно-патриотической тематики, сложившейся в годы войны, явились работы Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского о Золотой Орде (1950 г.) и В. Т. Пашуто

об Александре Невском и о борьбе русского народа за независимость в XIII в. (1951 г.). Различные аспекты внешнеполитического положения Руси были отражены в работах В. В. Мавродина.

Важнейшей проблемой, исследуемой во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг., был процесс образования и развития Русского централизованного государства. В 1946 г. журнал «Вопросы истории» начал дискуссию по данной проблеме. Первым выступил П. П. Смирнов, который попытался отыскать социально-экономические предпосылки образования централизованного государства в уровне развития производительных сил XIV – XV вв. Он утверждал, что в начале XIV в. московские князья для выплаты ордынской дани стали проводить политику расширения и улучшения сельскохозяйственного производства, что привело к «аграрному перевороту». Подобные изменения в базе, по мнению П. П. Смирнова, привели автоматически к трансформации надстройки. С резкой критикой подобных утверждений выступили В. В. Мавродин, С. В. Юшков, К. В. Базилевич, показавшие ложность тезиса об «аграрном перевороте» в XIV в.

Дискуссия 1946 г. способствовала углубленному рассмотрению ряда общих социально-экономических проблем, в ходе которого утвердилось мнение о зарождении товарно-денежных отношений в конце XV в. и их развитии в XVII в. до степени образования всероссийского рынка (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин). Через его призму рассматривалась и история русского города, который, по мнению исследователей, с конца XV в. начал освобождаться от феодального ярма и превращаться в ремесленно-торговый центр (П. П. Смирнов, С. В. Бахрушин).

В конце 40-х – начале 50-х гг. стала складываться иная точка зрения на социально-экономическое развитие русских земель эпохи феодализма. Ее оформление связано с выходом в свет работ Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова. Им удалось показать, что товарное обращение возникло раньше конца XV в. и существовало уже в Киевской Руси. Кроме того, они доказали, что понятие рынка связано с товарным производством, а не с товарным обращением. Поэтому XVII в. следует рассматривать не как завершение, а как начало формирования всероссийского рынка.

В складывании нового понимания истории России периода феодализма особую роль сыграл Л. В. Черепнин, издавший фундаментальную двухтомную монографию «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.» (1948–1951 гг.). Им была дана обобщающая картина социально-экономического развития русских земель в процессе объединения. В качестве социально-экономических предпосылок объединительной политики он предложил рассматривать рост крепостнических отношений в XIV–XV вв. и зарождение поместной системы. Политика же отражала, в трактовке Л. В. Черепнина, стремление феодалов к созданию сильной государственной власти, способной удержать в повиновении непосредственных производителей. Сам процесс образования централизованного государства был ускорен потребностями обороны от внешних врагов.

Мысль Л. В. Черепнина о неразрывной связи объединительного процесса с внешней политикой была обоснована и развита в работах К. В. Базилевича об отношениях Российского государства с соседями во второй половине XV в. (1952 г.) и А. А. Новосельцева – о борьбе России с татарами в первой половине XVII в. (1948 г.).

Особое место в отечественной историографии периода феодализма второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. занимает литература об эпохе Ивана IV Грозного (С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, С. Б. Веселовский, П. А. Садилов и др.). Авторы указывали на историческую обусловленность реформ середины XVI в. и все заметнее идеализировали Ивана Грозного. Исключение здесь составлял, пожалуй, лишь Веселовский, упорно сопротивлявшийся такой идеализации. Это привело к тому, что работы Веселовского по истории опричнины не публиковались до 1963 года⁴⁰.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. продолжились давние споры по поводу генезиса капитализма в России, в ходе которых с наибольшей остротой встал вопрос о мануфактурном производстве. Точки зрения оказались различными.

1. С. Г. Струмилин утверждал, что мануфактурное производство по природе своей может быть только капиталистическим,

---

⁴⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

а применение принудительного труда на русских мануфактурах XVII – XVIII вв. принципиально ничего не меняет.

2. Н. Л. Рубинштейн считал мануфактуры XVII – первой половины XVIII в. явлением крепостническим, генезис капитализма он относил к более позднему времени.

3. Е. И. Заозерская, исследуя мануфактуры петровского времени, усмотрела в них лишь ряд черт, свойственных капитализму.

В более общем виде эти проблемы были сформулированы в 1954 г. М. В. Нечкиной в докладе о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Восходящей» стадией она назвала эпоху, когда производственные отношения соответствуют производительным силам, а «нисходящей» – когда наметилось несоответствие между ними. В качестве хронологической грани феодализма и капитализма в России она назвала XVII в., когда появились первые мануфактуры. Многие исследователи выступили с критикой подобных утверждений. Например, Н. М. Дружинин утверждал, что феодализм не исчерпал себя в XVII в. и развивался по восходящей линии до 60-х гг. XVIII в.

В жестких условиях сталинского режима история средневековой Руси оказалась своеобразной «резервацией», где были заняты лучшие силы советских историков и существовала хоть какая-то возможность дискутировать, высказывать различные точки зрения, выдвигать концепции. Исследовательская работа по проблемам феодализма в меньшей степени зависела от политической конъюнктуры, чем, допустим, по истории партии, истории рабочего и крестьянского движения, индустриализации или коллективизации. Разумеется, это замечание справедливо лишь в определенной степени, в решении таких проблем, как личность и политика Ивана Грозного, или борьба с иноземными захватчиками, или, как показала в дальнейшем жизнь, вопрос о происхождении и времени написания «Слова о полку Игореве» любая вольность могла дорого обойтись историку. Дискуссии часто носили схоластический характер и сводились большей частью к терминологии. И все-таки здесь шла какая-то живая работа, время от времени делались интересные открытия, публиковались неординарные труды, например «Люди и нравы Древней Руси»

Б. А. Романова (Л., 1947), небольшая по объему и неважно изданная, но в высшей степени оригинальная, блестящая работа, сохраняющая научное значение уже более полувека. Продолжалась и публикация важнейших источников. Так, выходили добротные комментированные издания «Русской Правды», Судебников, государственных и частных актов XIV–XVI вв.; в 1949 г. возобновилось издание «Полного собрания русских летописей» (т. XXV). Чем ближе к современности были проблемы, которые волновали историков, тем сложнее было ими заниматься, сильнее было давление сверху, более ограниченным был доступ к источникам.

Лекция 3. Проблемы российской и советской истории XVIII–XX вв. в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х гг.

Несмотря на то, что советская историческая наука с первых лет Советской власти была ориентирована на исследование проблем новой и новейшей истории России, успехи в этой области были относительно скромными. В 1920-е гг. при большом энтузиазме не хватало знаний, в том числе теоретических, и навыков исследовательской работы, начиная с середины 1930-х гг. заниматься современной исторической проблематикой становилось все опаснее. Многие историки, преимущественно занимавшиеся историей российского империализма, историей партии, революционного и общественного движения XIX – начала XX в., историей революции и Гражданской войны, были репрессированы.

Наряду с Иваном Грозным фаворитом советской историографии сталинского периода был Петр Великий. Интерес к Петру, его неординарной личности, реформам и в дореволюционной историографии был велик. Мало кто из историков, если не в специальных работах, то в общих обзорах российской истории, мог обойти его своим вниманием. Это не удивительно, ведь эпоха Петра была переломной, а такие эпохи всегда привлекают историков. Другое дело – отношение к Петру, которое чаще всего было

неоднозначным. С одной стороны – энергичный человек, «делец», которых всегда не хватало в русской истории; с другой – действовал насилием, не считаясь с условиями, пытался повернуть ход русской истории, «Россию поднял на дыбы», слишком преклонялся перед Западом. По мнению многих историков, результаты Петровских реформ были несоразмерны затраченным на них средствам и силам, как самого Петра, так и других людей. О неудаче, полной или относительной, реформ Петра писали Ключевский, Милуков, Кизеветтер, Богословский. Правда, для некоторых русских историков 1920-х гг. Петр Великий стал, как Иван Грозный для Виппера, неким национальным символом, исполинской фигурой, которую можно было противопоставить разрушительной политике большевиков. Так, М. М. Богословский последние годы жизни посвятил созданию всеобъемлющей биографии Петра I, да и не только самого Петра, но и всей великой Петровской эпохи. Успев написать «всего лишь» пять объемистых томов этого уникального труда, Богословский практически только начал его, дойдя до 1700 года. С. Ф. Платонов издал в 1927 г. книгу «Петр Великий», на которую М. Н. Покровский немедленно откликнулся язвительной репликой: «Нужен ли нам Петр Великий, да и велик ли этот Петр?».

Положительный ответ на этот вопрос спустя несколько лет дал Сталин. Примерно с середины 1930-х гг. постоянно росло количество исторических исследований, посвященных Петру I и его эпохе. Этот интерес к личности выдающегося исторического деятеля совпал по времени с ростом интереса советских историков к военной истории России.

Внимание к военной истории России стало четко просматриваться в конце 30-х гг. В 1939 г. Институт истории АН Украины провел научную сессию, посвященную 230-летию Полтавской битвы. В годы Великой Отечественной войны был сделан существенный шаг вперед в изучении Петровской эпохи, наибольший вклад в которое внесли Б. Б. Кафенгауз и В. В. Мавродин. Ими было раскрыто значение реформ Петра I в укреплении России, показана его роль организатора регулярной армии. Достаточно

подробно целым рядом авторов была описана история Северной войны 1700–1721 гг.

Среди работ о Петровской эпохе особо стоит выделить монографию Б. И. Сыромятникова (1943 г.), вызвавшую серьезную критику. Автор трактовал абсолютизм первой четверти XVIII в. как выражение интересов не только дворянства, но и купечества; писал о феодальной реакции при преемниках Петра I.

В целом, с конца 1930-х до середины 1950-х гг. были изданы десятки работ о Петре Великом, в основном апологетических. Возобновилось издание многотомного сборника документов «Письма и бумаги Петра Великого», прекращенное в 1918 году.

Историков в это время привлекают другие важные политические и военные события XVIII века. В 1940 г. вышла в свет книга Н. М. Коробкова «Семилетняя война», в которой высоко оценивались победы русского оружия в войне с Пруссией в 1757–1761 гг. Несколько позднее были изданы интересные работы К. В. Базилевича и И. Полосинова о Семилетней войне 1756–1763 гг. Обращает на себя внимание изучение Н. М. Коробковым деятельности фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, с именем которого историк связывал оформление русского военного искусства. Многочисленные работы были посвящены полководческому искусству А. В. Суворова (А. Н. Боголюбов, Г. П. Мещеряков, Л. Г. Бескровный, К. Пигарев, Б. В. Златоустовский и др.).

Еще одна крупная историческая проблема, которая активно изучалась в историографии 1930–1950-х гг., – это история Отечественной войны 1812 г. Внимание советских историков и советской общественности к этой теме привлек Е. В. Тарле, написавший по заказу для серии «Жизнь замечательных людей» биографию Наполеона, впервые опубликованную в 1936 г., многократно впоследствии переиздававшуюся и ставшую едва ли не самой популярной книгой автора. Это было не первое обращение Тарле к личности и эпохе Наполеона Бонапарта. Еще в 1922 г. вышел в свет его очерк «Печать при Наполеоне I», где Тарле писал о наполеоновской цензуре. Это дало повод Г. Е. Зиновьеву, почувствовавшему в работе Тарле намек на бесчинства цензуры советской, раскритиковать ее на XII партконференции, объявив

контрреволюционной вылазкой буржуазной интеллигенции против Советской власти.

Неудивительно, что Тарле вскоре стал одним из главных обвиняемых по «Академическому делу». Он был исключен из Академии наук и сослан на пять лет в Алма-Ату. Впрочем, ему удалось вернуться значительно раньше окончания срока, в 1932 г., и не только вернуть себе прежнее положение, но и упрочить его.

Тарле любил, правда, скорее, не в жизни, а в творчестве, сильных и решительных людей, и в биографии Наполеона, несмотря на присутствие в ней традиционных штампов советской историографии о «классовой сущности» бонапартистского режима, он явно восхищается своим «героем», великим политиком и полководцем, который не только вознесся на вершину власти исключительно благодаря своим талантам, но и привел Францию к небывалому могуществу. Первым читателем «Наполеона» стал Сталин. Вождю книга понравилась, и Тарле получил персональное разрешение публично возразить критикам, а также «карт-бланш» на продолжение своей научной работы. В 1937 г. с него была снята судимость и возвращено звание академика (в 1937 или 1938 г., по разным сведениям). Вскоре последовала целая серия работ Тарле о войне 1812 г. и дипломатической истории первой половины XIX в.: «Нашествие Наполеона на Россию» (1937), «Талейран» (1938), биографии П. С. Нахимова и М. И. Кутузова (1940). Переработанное второе издание книги «Нашествие Наполеона на Россию», вышедшее в 1943 г., произвело фурор не только в СССР, но и за его пределами. В годы войны вышла еще одна знаменитая книга Е. В. Тарле – «Крымская война» (2 т., 1941–1943), в которой глубоко и подробно охарактеризована международная обстановка накануне войны, складывание антироссийской коалиции во главе с Англией, а также содержится, пожалуй, лучшее в научно-исторической литературе описание героической обороны Севастополя.

Перу Е. В. Тарле принадлежит в общей сложности более 1000 работ, включая газетные статьи пропагандистского характера, которые ему не раз приходилось писать в послевоенные годы. Он трижды становился лауреатом Сталинской премии, трижды

был награжден орденом Ленина, дважды – орденом Трудового Красного знамени, избран почетным доктором многих зарубежных университетов и членом-корреспондентом Британской Академии (1944).

Из фундаментальных трудов по внешнеполитической тематике следует отметить также монографию Б. А. Романова о политике царизма на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны⁴¹ и трехтомную «Историю дипломатии», создатели которой были удостоены Сталинской премии.

При разработке проблем социально-экономической истории России основное внимание было уделено исследованию истории крестьянства и сельскохозяйственного производства. В 1930-е гг. П. Г. Рындзюнским была поставлена проблема изучения внутренних процессов в деревне в контексте состояния феодальной вотчины в условиях разложения феодализма и формирования капиталистических отношений. На этой базе предпринимались попытки комплексного рассмотрения причин, содержания и последствий реформы 1861 г. (И. Д. Шахназаров, Е. А. Мороховец).

Наибольший вклад в изучение данных вопросов внес Н. М. Дружинин, выпустивший двухтомное исследование о государственных крестьянах и реформе П. Д. Киселева (2 т., 1946–1958). Он проанализировал всю систему «государственного феодализма», охарактеризовал ее изменение в ходе социально-экономического развития. Помещичье крестьянство рассматривалось в работах Е. И. Индовой, И. Д. Ковальченко, К. В. Сивкова. Классовая борьба в деревне анализировалась Я. И. Линковым, М. Е. Найденовым и др.

Особо стоит отметить разработку проблем промышленного развития России. Появились работы по отдельным отраслям промышленности: С. Г. Струмилин – черная металлургия, К. А. Пажитнов – текстильное производство, П. М. Лукьянов – химическая промышленность.

Здесь необходимо прежде всего отметить работы известного историка и экономиста С. Г. Струмилина. Так, в 1935 г. вышла

---

⁴¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895–1907. М.; Л., 1947.

его монография о развитии черной металлургии в России, наибольший интерес в которой представляют главы по XIX – началу XX в. Исследователем был предложен единый показатель прогресса – средняя производительность труда рабочего за одну смену, так как он считал, что в этих данных обобщаются все важнейшие показатели состояния производительных сил, организации производства и труда. В своих дальнейших исследованиях Струмилин попытался обосновать хронологические рамки промышленного переворота в России: 1830-е – 1860 г. При обсуждении идей академика С. Г. Струмилина возникла дискуссия о характере российской мануфактуры и ее смене фабрикой. Во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. вышли в свет первые обобщающие работы по социально-экономическому развитию страны в XIX в. (П. И. Лященко, П. А. Хромов).

Закономерным продолжением тематики социально-экономического развития России XIX в. стало изучение аналогичных вопросов эпохи империализма. Литературу по проблемам истории промышленности конца XIX – начала XX в. принято делить на три группы.

1. Работы по истории крупной промышленности России (П. А. Хромов – текстильная промышленность, Г. Д. Бакулев – черная металлургия, С. М. Лисичкин – нефтепереработка и др.), позволившие в основных чертах представить общую картину промышленного развития дореволюционной России и создавшие предпосылку для изучения монополистического капитализма.

2. Работы по экономике России в годы Первой мировой войны (А. Л. Сидоров, А. П. Погребинский), источниковая база которых включала целые комплексы ранее не использовавшихся документов и материалов.

3. Работы по истории банковских и промышленных монополий в России (И. Ф. Гиндин, М. Я. Гефтер, П. В. Волобуев). Оценивая их значение, К. Н. Тарновский отметил: «Представление о слабости, неразвитости российского монополистического капитализма, таким образом, не выдерживало проверки фактами. Появились условия для критики и преодоления этой концепции»⁴².

---

⁴² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 321.

В литературе по истории аграрного строя России периода империализма во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. следует выделить работу А. В. Шапкарина о столыпинской аграрной реформе (1954 г.). В ней был намечен новый подход к изучению преобразований. С одной стороны, исследовалось хозяйственное положение не выделявшихся на хутора и отруба крестьян, с другой – стали обобщаться данные по регионам, в которые направлялись основные потоки переселенцев из Европейской России, а в связи с этим анализировались последствия процесса колонизации.

Дальнейшее развитие получила историография освободительного движения. Причем именно при разработке данных проблем наблюдалась поляризация мнений, например при оценке жизни и деятельности А. Н. Радищева. В 1935 г. в «Материалах к изучению "Путешествия из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева» была высказана мысль о том, что Радищев допускал возможность преобразований «сверху», в чем проявлялась его ограниченность. Одновременно Г. Гуковский обосновывал мысль о последовательной революционности А. Н. Радищева. Таким образом, в исторической науке возникла «загадка» А. Н. Радищева. Первую попытку ее решения предпринял в 1940 г. Г. П. Макогоненко, который попытался «снять» противоречивость отдельных глав «Путешествия...» предложением рассматривать книгу как единое целое, идея которого – развенчание возможности реформистского пути уничтожения крепостничества.

Крайне противоречива была трактовка сущности идейных течений 30–40-х гг. XIX в., особенно славянофильства. В 1941 г. по этому поводу в Институте истории АН СССР прошла дискуссия, инициатором которой стал С. С. Дмитриев. Он рассматривал славянофильство как выражение идеологии передовых помещиков. Однако далее постановки проблемы обсуждение не пошло.

В 1930-е гг. историческая наука приступила к серьезному изучению жизни и деятельности А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 1937 г. вышла книга И. С. Новича, в которой отрицалась связь А. И. Герцена с крестьянским движением в стране. В 1940–1941 гг. в связи с публикацией томов «Литературного наследия» Б. П. Кузьминым и Е. Кугушевой был поднят вопрос о Н. П. Огареве и его взаимоот-

ношениях с русским освободительным движением. В эти же годы появились работы М. В. Нечкиной о Н. Г. Чернышевском (1941 г.), В. Я. Кирпотина о Д. И. Писареве (1934 г.).

В истории революционного движения особое место занимает революция 1905–1907 гг., в изучении которой стоит отметить монографию Е. Д. Черменского о буржуазии и царизме в годы революции (1939 г.). Им впервые был исследован генезис буржуазных партий в России, показан процесс роста, а затем ослабления оппозиционности либеральной буржуазии и т. п.

Существенные изменения в отечественной историографии истории общественного и революционного движения в России произошли во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. В этот период произошел окончательный отход от плехановской трактовки освободительного движения с ее абсолютизацией западноевропейского влияния на русскую общественную мысль. Однако возник иной перекокс: общественная мысль России стала рассматриваться изолированно, и в результате переоценивалась степень ее зрелости. С достаточной яркостью эти черты проявлялись в дискуссии вокруг наследия А. Н. Радищева, начавшейся в 1949 г. в связи с 200-летием со дня его рождения. В ходе ее были высказаны две точки зрения:

1) А. Н. Радищев характеризовался как последовательный демократ, мыслитель, стоявший выше наиболее радикальных французских просветителей (Г. П. Макогоненко, В. С. Покровский);

2) А. Н. Радищев рассматривался как дворянский революционер с определенной степенью ограниченности мировоззрения (М. В. Нечкина, П. Ф. Никандров).

При всей несхожести мнений у них было одно общее, характерное – подход к наследию А. Н. Радищева вне связи с общеевропейским историческим процессом.

Существенный шаг вперед был сделан в изучении движения декабристов, в разработке проблем которого приняли участие Н. М. Дружинин, Б. Е. Сыроечковский, П. Ф. Никандров и др. Наиболее значительные исследования принадлежали М. В. Нечкиной. Их своеобразным итогом была вышедшая в 1955 г. монография «Движение декабристов». В ней декабризм рассматри-

вался в целом, как единое в своей классовой основе и идейной направленности движение.

Отход от плехановских оценок стимулировал анализ деятельности В. Г. Белинского, центральной для понимания идейных процессов 30–40-х гг. XIX в. Несомненным вкладом в изучение данных проблем явились работы В. С. Нечаевой и М. Я. Полякова. Следом за изучением наследия В. Г. Белинского вышла целая серия книг о его преемниках в освободительном движении. Увидели свет книги Я. Е. Эльсберга о А. И. Герцене (1948 г.), З. П. Базилевой о «Колоколе» (1949 г.), В. Я. Зевина о политических взглядах и программе Н. Г. Чернышевского (1953 г.), Ф. М. Бурлацкого о политических и правовых взглядах Н. А. Добролюбова (1954 г.), В. Р. Лейкиной-Свирской о петрашевцах (1956 г.) и др.

Определенные шаги были сделаны в изучении рабочего движения в России. Одной из наиболее интересных по данной тематике была вышедшая в 1950 г. небольшая работа Ю. З. Полевого, который провел сравнительное изучение возникновения движения рабочих в России и странах Западной Европы и попытался выявить характерные черты начального этапа движения российского рабочего класса. В 1954 г. вышла книга Б. С. Итенберга об истории «Южнороссийского союза рабочих». В работах середины 1950-х гг. был приведен существенный материал по связи рабочего движения с социал-демократией (Ю. З. Полевой, И. Н. Васин, А. С. Рослова).

В историко-партийной науке второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. достаточно ясно видна ее специфика. С 1946 по 1955 г. в стране было издано около 700 работ по истории партии и более 2 тыс. названий партийной публицистики. Появился новый вид работ – публикации стенограмм лекций по истории партии. С конца 1940-х гг. началось издание серии брошюр «Съезды и конференции ВКП (б)». Среди монографических разработок по истории партии можно выделить книги О. В. Варенцовой «Северный рабочий союз и Северный комитет РСДРП» (1948 г.), И. В. Никитина «Первые рабочие союзы и социал-демократические организации в России» (1952 г.), С. М. Петрова «Начало револю-

ционной деятельности В. И. Ленина» (1953 г.). В массе своей историко-партийные работы носили фактологический характер, при этом часто отбор фактов был тенденциозен.

Характерной чертой литературы второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. был интерес к истории первой российской революции 1905–1907 гг. Особое внимание уделялось событиям в национальных районах страны. Институт истории АН СССР издал два сборника статей по данной тематике под редакцией А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова (1949, 1955 гг.). В ознаменование 50-летия революции были изданы произведения В. В. Воровского, Ф. Э. Дзержинского, Б. М. Кнунянца, воспоминания Е. Д. Стасовой, М. Н. Лядова, О. Пятницкого, М. И. Васильева-Южина и др.

Расширение источниковой базы позволило А. И. Гуковскому опубликовать обобщающий труд по истории революции 1905–1907 гг., в основу которого лег курс лекций, прочитанный им в Вологодском педагогическом институте. Отдельные этапы и события революции осветили И. В. Спиридонов (1955 г.), Н. Н. Яковлев (1957 г.).

Слабо изучалась в 1930-е – начале 1950-х гг. история советского общества вследствие догматизации науки, полного господства идеологии сталинизма, ограничения доступа историков к архивным источникам. Некоторые темы по разным причинам не исследовались вовсе. Так, до середины 1950-х гг. не было серьезных исследований НЭПа. Историки просто не знали, как правильно трактовать этот идеологически «сомнительный» период советской истории. Перелом в подходах к НЭПу произошел только в середине 1950-х, когда вышли монография Э. Б. Генкиной⁴³ и коллективный труд «СССР в период восстановления народного хозяйства» под редакцией А. П. Кучкина, Ю. А. Полякова, С. И. Якубовской (1955 г.). В них впервые была предпринята попытка комплексного исследования всего этапа 1921–1925 гг.

Не рассматривались в советской историографии проблемы внутрипартийной борьбы 1920-х гг., взаимоотношения большевиков с другими социалистическими партиями, такими как мень-

---

⁴³ Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике, 1921–1922. М., 1954.

шевики и эсеры. Если и шла речь об этом, то исключительно в плоскости борьбы партии с внутренними и внешними «врагами», «ревизионистскими» и «оппортунистическими» течениями в партии, среди которых главной мишенью был, конечно, «троцкизм». Односторонние политизированные оценки, клеймящие ярлыки («враги рабочего класса», «вредители», «подлые шпионы и диверсанты», «фашистские наймиты» и т. п.) выводили подобную печатную продукцию за рамки исторической науки. Работы, посвященные истории Октябрьской революции и Гражданской войны, «сталинской» индустриализации и коллективизации, рассматривали происходившие в СССР исторические процессы под «флагом» «мудрого сталинского руководства».

В историографии истории советского периода преобладали работы пропагандистского или популярного характера, часто небольшого объема, например брошюры общества «Знание» объемом от 40 до 60 страниц, не имевшие никакого научного значения. «Труды» эти заполнены были славословиями в адрес «великого, мудрого вождя и учителя», цитатами из его трудов и ссылками на них в качестве главных аргументов.

Если в 1930-е гг. еще встречались более или менее существенные труды советских историков о революции, становлении советского государственного аппарата, первых мероприятиях советской власти (установление рабочего контроля на предприятиях, национализация промышленности, аграрные преобразования)⁴⁴, то в 1940-е – начале 1950-х они практически исчезли, что побуждало советских руководителей из года в год обсуждать на высшем уровне проблемы развития исторической науки, проверять деятельность Института истории, редакции журнала «Вопросы истории» и принимать соответствующие меры. Так, в докладной записке агитпропа ЦК Г. М. Маленкову констатировалось: «Особенно плохо обстоит дело с разработкой вопросов истории советского общества. За последние десять лет институт не выпустил ни одной научной работы, посвященной истории советского государства и

⁴⁴ См.: Социалистическая промышленность и хозяйственное право. Сб. статей под ред. Б. М. Рубинштейна и В. С. Ундревича. Л., 1935; Ундревич В. С., Карева М. П. Пролетарская революция и государственный аппарат (Очерк истории борьбы за госаппарат в 1917–1918 гг.). М., 1935.

строительства социализма в СССР. Научные сотрудники сектора истории советского общества многие годы топчутся на одном месте, занимаясь вопросами истории гражданской войны и социалистического строительства в первые годы существования советской власти. В Институте истории не разрабатываются актуальные проблемы истории индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, национального, государственного и культурного строительства в СССР. До сих пор не создан учебник для вузов по истории СССР советского периода»⁴⁵.

Гражданская война и иностранная интервенция в 1930–1950-е гг. чаще всего рассматривались через призму событий в отдельных регионах страны: в Поволжье, на Северном Кавказе, на Южном и Восточном фронтах⁴⁶. Особое внимание историки уделяли регионам, в которых в годы Гражданской войны бывал И. В. Сталин. Например, детально исследовалась оборона Царицына, в которой он принимал участие, деятельность И. В. Сталина на северном фланге Восточного фронта⁴⁷. В 1935 г. вышел первый том обобщающего коллективного труда «Истории гражданской войны в СССР», второй том последовал только через 7 лет, в 1942 г. Авторы этого труда (И. И. Минц, П. Н. Поспелов, Е. М. Ярославский, Э. Б. Генкина, Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон, И. П. Товстуха) были удостоены Сталинской премии.

В 1940-х – начале 1950-х гг. история Гражданской войны и интервенции разрабатывалась слабо. Привлекают внимание отдельные монографии, посвященные частным вопросам, напри-

---

⁴⁵ Докладная записка агитпропа ЦК Г. М. Маленкову о результатах проверки работы института истории АН СССР, 01.09.1950. URL: www.alexanderyakovlev.org

⁴⁶ Разгром Врангеля, 1920: Сб. статей под ред. А. И. Гуковского, В. Малаховского, В. А. Меликова. М., 1930; Попов Ф. Дутовщина. Куйбышев, 1937; Разгон И. М. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе, 1917–1920. М., 1941.

⁴⁷ См., например: Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940; Лукомская И. Пролетариат Донбасса и реализация сталинского плана разгрома Деникина // Историк-марксист. 1940. № 1. С. 98–119; Фионов Н. Сталинский план разгрома Деникина и его осуществление // Исторический журнал. 1940. № 6.

мер Е. А. Болтина о контрнаступлении Южной группы Восточного фронта в 1919 г. и Р. Н. Мордвинова о Волжской военной флотилии⁴⁸. Отметим, что в литературе о Гражданской войне продолжалось восхваление И. В. Сталина и его роли в победе над белогвардейцами и интервентами. Однако в отличие от 1930-х гг. делалось это более утонченно. Например, высказывалось мнение об одинаковом значении для советской власти Восточного и Южного фронтов в 1918 г.

В послевоенные годы на передний план в исследованиях стала выдвигаться проблема индустриализации страны. Еще в 1930-е гг. публиковались исследования стахановского движения. Только за 1935–1940 гг. ему было посвящено 4 643 работы⁴⁹. Однако большинство из них носило экономический характер. После войны в основу разработки темы индустриализации легла высказанная в 1946 г. И. В. Сталиным мысль о коренных отличиях советского метода индустриализации от капиталистического. «Вождь народов» назвал одно из таких отличий: в капиталистических странах индустриализация обычно начиналась с легкой промышленности. Партия отвергла «обычный» путь и начала с развертывания тяжелой индустрии. Данный тезис фактически иллюстрировался в работах второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. (А. Леонтьев, Э. Ю. Локшин, К. А. Петросян, И. М. Бровер).

Исследование истории коллективизации сельского хозяйства было основано на положениях «Краткого курса истории ВКП (б)» и работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Поэтому тематика работ сводилась в основном к характеристике «года великого перелома» (П. Н. Черноморский, П. Н. Шарова, С. П. Трапезников, Г. М. Овсянников). Особое место в историографии того периода занимала монография М. А. Краева «Победа колхозного строя в СССР» (1954 г.), явившаяся наиболее полным описанием аграрной истории первых двадцати лет советской власти.

---

⁴⁸ Болтин Е. А. Контрнаступление южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.) М., 1949; Мордвинов Р. Н. Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918–1920). М., 1952.

⁴⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. С. 472.

Серьезные шаги были предприняты в изучении истории Великой Отечественной войны, была выработана периодизация военных действий: с 22 июня 1941 г. до начала разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом (18 ноября 1942 г.) – период активной обороны; с 19 ноября 1942 г. до конца 1943 г. – период коренного перелома в ходе войны; 1944 г. – период решающих побед, «десяти сталинских ударов»; с января по сентябрь 1945 г. – завершающий период Великой Отечественной войны. Она была основана на высказываниях и оценках И. В. Сталина. В мае 1955 г. в «Очерках истории Великой Отечественной войны» было внесено уточнение наименования начального этапа войны – он был назван периодом срыва плана «молниеносной» войны фашистской Германии, подготовки условий для коренного перелома в ходе войны.

В первое послевоенное десятилетие преобладали работы военно-исторического характера, анализировавшие отдельные операции войны (В. С. Тельпуховский, В. А. Захаров, В. В. Возненко, Г. М. Уткин, М. М. Минасян, Н. Д. Степанов, М. И. Голышев). В 1948 г. вышла книга заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», содержащая глубокий анализ функционирования экономики страны в годы войны. Однако в связи с репрессированием автора ее историографическое значение было заметно принижено. Н. А. Вознесенский был обвинен в попытке подогнать цифры под уже имевшиеся оценки.

В целом, можно отметить, что, несмотря на значительное количество исторических исследований, существенного прогресса в изучении истории советского общества в отечественной историографии 1930–1950-х гг. не было. Это связано прежде всего с жесткими идеологическими установками, которыми советские историки вынуждены были руководствоваться в своей работе, и крайним дефицитом доступных исторических источников. Именно поэтому историки старались ограничиться в своих исследованиях локальными рамками и избегать широких обобщений.

Заключение

Развитие отечественной исторической науки первой половины XX в. было в высшей степени неравномерным и противоречивым. К концу 1910-х гг. была очевидна необходимость перемен в её организации и методологии. Хотя большая часть историков отнеслась к революции 1917 г. негативно, в первое пореволюционное десятилетие казалось, что перед учеными открываются новые перспективы. Действительно, были сняты все сословные ограничения для получения образования, историкам был открыт доступ к ранее засекреченным архивным материалам, началась публикация документов из этих фондов и, самое главное, значительно возрос интерес общества к истории.

Но ожидаемого прорыва в исторических исследованиях так и не произошло. Цензура царского самодержавия сменилась советской цензурой, во многих отношениях более жесткой. Новая власть культивировала презрительно-враждебное отношение к историкам «старой» школы, которые в этих условиях чувствовали себя крайне неудобно и не в состоянии были полностью реализовать свои научные замыслы. Многие из них вынуждены были думать не о науке, а о том, чтобы выжить. С другой стороны, нарождающаяся советская «марксистская» историография развивалась в постоянном и все более усиливавшемся противоборстве со «старой» исторической наукой. Едва ли не главным делом молодых историков-марксистов стала критика «буржуазной» историографии. Можно сказать, что в стране существовали две исторические науки, практически не соприкасавшиеся друг с другом, что привело к нарушению естественной преемственности поколений в исторической науке. Разрушалось самое ценное, что почти два века складывалось в российской историографии, – научные школы.

Апогеем борьбы с «буржуазной» историографией стало «Академическое дело» 1929–1931 гг., которое привело многих историков «старой школы» к физической гибели, других – к длительному творческому «простою».

С начала 1930-х гг. наметились существенные перемены в развитии отечественной исторической науки, и связано это в

первую очередь с прямым вмешательством И. В. Сталина в историческую науку. Её развитие в последующие два десятилетия шло под флагом сталинизма. Этот «перелом» имел двойные последствия. С одной стороны, историческая наука и образование вернулись к своим классическим формам: было возвращено ликвидированное в 1920-е гг. преподавание истории в школе, восстановлены исторические факультеты в вузах, созданы новые учебники, дававшие учащимся связное представление о российской истории, улучшено материальное обеспечение учебных и научных учреждений, ученых-историков, восстановлены ученые степени и звания. С другой – развитие исторической науки было поставлено под жесткий контроль государства, утверждались сталинские догмы («аксиомы») в историографии.

В первую очередь эти процессы отразились на изучении истории революции и советского общества, истории партии, истории революционного и общественного движения. В этих условиях было безопасней и легче заниматься историей средневековой России, что и привело к резкому перекосу в исторических исследованиях в сторону изучения проблем «русского феодализма». В то же время, несмотря на постоянные призывы партийного и государственного руководства к историкам обратить главное внимание на изучение истории советского общества, значительных достижений в этой сфере практически не было. Одной из существенных причин такого положения дел было резкое сокращение публикации документов по истории Октября, Гражданской войны, социалистического строительства, истории партии.

Историческая мифология, созданная в сталинскую эпоху, оказалась очень «живучей» и просуществовала с некоторыми изменениями до начала 1990-х годов. Связано это с тем, что историческая профессия достаточно консервативна и зачастую пользоваться привычными и удобными схемами для историков проще, чем кардинально менять подходы к тем или иным актуальным историческим проблемам.

К счастью, ни один политический режим, каким бы жестким он ни был, не в состоянии полностью контролировать развитие науки. Несмотря ни на что, в советской исторической на-

уже 1930–1950-х гг. были определенные достижения, работали выдающиеся ученые, такие как Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Романов, П. А. Зайончковский, Е. В. Тарле и многие другие, лучшие труды которых до сих пор не утратили научного значения и обеспечили преемственность в развитии науки в течение десятилетий, вплоть до настоящего времени.

Библиография

1. Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) / А. Н. Артизов // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 102–120.
2. Артизов, А. Н. Николай Николаевич Ванаг (1899–1937 гг.) / А. Н. Артизов // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 95–110.
3. Бабиченко, Д. Г. Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия / Д. Г. Бабиченко // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 6. – С. 94–108.
4. Брачев, В. С. «Дело» академика Платонова / В. С. Брачев // Вопросы истории. – 1989. – № 5. – С. 117–129.
5. Дружинин, Н. М. Эвакуация из Москвы в 1941–1943 гг. // Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М., 1990. – С. 228–234.
6. Историю – в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. – М., 2008.
7. Куманев, В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции / В. А. Куманев. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
8. Против исторической концепции М. Н. Покровского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 517 с.
9. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 506 с.
10. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. / подг. Ю. Н. Амиантовым // Вопросы истории 1996. – № 2. – С. 247–286; № 3. – С. 82–112; № 4. – С. 65–93; № 5/6. – С. 77–106; № 7. – С. 70–87; № 9. – С. 47–77
11. Сталин, И. В. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И. В. Соч. – Т. 13. – С. 84–102.
12. Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии / Дж. Энтин // Вопросы истории. – 1995. – № 5–6. – С. 152.

Оглавление

Введение.....	3
Лекция 1. Перестройка исторической науки и исторического образования в СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.....	9
Лекция 2. Советские историки 1930-х – 1950-х гг. о русском феодализме.....	31
Лекция 3. Проблемы российской и советской истории XVIII–XX вв. в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х гг.	44
Заключение.....	58
Библиография.....	61

Учебное издание

Некрасов Андрей Анатольевич

Советская историческая наука 1930-х – начала 1950-х годов

Текст лекций

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка И. Н. Иванова

Подписано в печать 11.10.10. Формат 60×84 1/16.
Бум. офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 3,0.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова.

Отпечатано на ризографе.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

